

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отрывки из сохранившихся стенограмм заседаний Флорентийского Общества

П. Д. Баренбойм

Как глава Флорентийского Общества, – такой, знаете, почетный титул, – я должен сказать, что открывать это заседание очень приятно. В-первых, оно уже третье. Это важно. У нас уже есть история. Во-вторых, представлять замечательные книги, которые нам подготовил Алексей Алексеевич Кара-Мурза, одно удовольствие. После выхода этого трехтомника член Флорентийского Общества Алексей Алексеевич уже вошел в историю так же незаметно, как когда-то вошел в нее автор книги «Образы Италии» Муратов и как все те, кто писали об Италии, особенно о Флоренции и России. Потому что тема оказалась вечной, нескончаемой, видимо, бессмертной.

И еще одно обстоятельство вселяет оптимизм и уверенность в будущем дне. Делегация Флорентийского Общества недавно посетила Флоренцию. Там мы представились флорентийской Синьории. И вот этот флаг, маленький флаг Флоренции, вручен Флорентийскому Обществу в зале Лоренцо Великолепного в Палаццо Веккьо, который является официальным залом Флорентийского правительства для приемов иностранной делегации. Мы были приглашены в президиум на торжестве, которое состоялось на площади Синьории, под статуей микеланджеловского Давида. Подобное действие могло проходить только во Флоренции: празднование годовщины сожжения Савонаролы. Это было костюмированное представление с флагами, в национальных костюмах и т. д. Там выступали официальные лица города, и в их речах продолжался спор: кто больше был прав? Правильным ли был подход первых Медичи в управлении городом? Или верным был подход Савонаролы? Пять сотен лет прошло. А во Флоренции продолжают спорить на эти темы. Было очень приятно и интересно, что мы, оказывает-

ся, можем ответить на это. У нас в Конституционном Суде есть судья Владимир Ярославцев, который является сторонником Савонаролы и большим его поклонником. Имеются другие судьи, например Юрий Данилов, который скорее ближе к идеям Платоновской академии Лоренцо Медичи. Наверное, вообще на свете есть только два места, где могут об этом спорить пять веков спустя. Это Флоренция и Москва. Так что, в общем, легитимность нашего Флорентийского Общества заметно повысилась. Вплоть до того, что мы уже подготовили эмблему общества, идею которой предложил Александр Владимирович Захаров. По трем вариантам эмблемы мы предлагаем провести тайное голосование. Я сразу скажу об идее, чтобы не затягивать процесс.

На эмблеме изображен зубец Кремлевской стены, которую, как известно, построили флорентийцы. А внутри этого зубца – цветок лилии, то есть флорентийский герб. Оказывается, существует громадная разница между французской, анжуйской лилией, которая является мертворожденной, и живородящей флорентийской лилией – лилией, которая цветет.

Таким образом, вниманию присутствующих представлены три картинки, понравившийся вариант следует отметить крестиком.

Мы так понравились флорентийской Синьории, что в итоге нас пригласили на ужин. Шел оживленный разговор. И когда министр иностранных дел правительства Флоренции Еугенио Джани подводил итоги встречи, он сказал: «Надо же, какие вы образованные, как вы много знаете о Флоренции! И особое впечатление на меня произвел господин Захаров, который наизусть знает всю «Божественную комедию» Данте!» Нужно сказать, что Александр Владимирович не дрогнул, опровергать не стал.

А. В. Захаров

Я не понимаю по-итальянски, поэтому....

П. Д. Баренбойм

Но, тем не менее, сразу по приезде Вы купили трехтомник Данте, так что, я думаю, все впереди.

А. В. Захаров

Действительно, у нас была замечательная поездка во Флоренцию, где мы почувствовали этот вот неподдельный интерес, который существует, к развитию отношений в рамках Флорентийского Общества. И один из руководителей мэрии сказал, что он приятно удивлен, что в России такие уважаемые люди проявляют интерес к связям с Флоренцией, к установлению системных и серьезных контактов. Но что касается Данте Алигьери, то действительно, в рамках наших разговоров был затронут этот сюжет. Един-

ственное, на что я сподобился, это цитата из первой части, из «Ада», меня это больше привлекло.

Мы знаем, что интерес к творчеству Данте настолько высок, что в Москве есть общество по изучению его наследия. Не так давно в саду «Эрмитаж» был день Европы, который замечательно организовала Екатерина Юрьевна Гениева. Я давно не видел такой великолепной феерии чувств, мыслей, красок. Все происходило именно в том месте, где установлен памятник одному из великих флорентийцев, Данте Алигьери. Я могу сказать, что до этого момента не знал, что в Москве установлен такой памятник...

Была развернута широкая продажа замечательных книг. Я купил «Божественную комедию» с изумительными комментариями.

Как известно, Данте серьезно разговаривал с теми знаменитыми флорентийцами, которые в том числе содействовали его изгнанию из города. И он выносил приговор по-своему. Многие из них стали знамениты и навсегда вошли в историю благодаря этому произведению и гневу Данте, который обрушился на них в «Божественной комедии». Мне кажется, Флорентийское Общество – своеобразный мост между Москвой и Флоренцией. Наша первая поездка во Флоренцию в рамках Флорентийского Общества говорит о том, что мы переходим от размышлений на эту высокую тему к действиям. И сегодняшняя наша встреча – презентация трилогии, в рамках которой есть рассказ о знаменитых русских во Флоренции, тому хорошее подтверждение. Поэтому, я думаю, мы с удовольствием послушаем автора и узнаем еще много интересного о Флоренции и ее взаимоотношениях с Россией. Спасибо.

П. Д. Баренбойм

Спасибо. Сейчас «Муратов наших дней» Алексей Алексеевич Кара-Мурза представит свою трилогию, но мы договорились, что во Флорентийском Обществе мы будем больше говорить о Флоренции.

А. А. Кара-Мурза

Спасибо. Я благодарю всех хозяев сегодняшней встречи: и Флорентийское Общество, и Никитский клуб, и Биржу. Поверьте, для автора очень ценно внимание к его работе дружеской и квалифицированной аудитории. Я здесь вижу многих товарищей и друзей по науке, по московской клубной жизни. И я отдельно хотел бы поблагодарить издательство «Независимая газета». Тут присутствует директор издательства, одновременно идеолог его издательской политики Ольга Морозова. Действительно, очень многие вещи происходят благодаря счастливой случайности. Получилось, что нас познакомили третьи лица, и проект сразу завертелся, хотя он сначала в планах не стоял. Ну, издательская динамика здесь как-то сошлась с тем, что

и тексты были уже во многом у меня готовы. И все это достаточно быстро вышло. Здесь присутствуют и другие сотрудники издательства. Я их тоже благодарю, поскольку я увидел эту работу изнутри, – тяжелая, прямо надо сказать, работа. И когда автору кажется, что текст готов, для издателя все только начинается. «Независимая газета», на мой взгляд, одно из самых уважаемых и в то же время стильных и изящных издательств. Я очень рад, что попал в хорошую компанию авторов, которые издаются и переиздаются в этом издательстве.

Теперь о самой задумке. Когда я около двух лет работал во Франции, я начал собирать материал о знаменитых русских в Париже. Оказалось, что это тема совершенно неисчерпаемая. И книга все время расплзлась, и очень трудно поставить точку, потому что для профессионального историка (а я по образованию историк) всегда понятна мера своего незнания предмета. Очень трудно выбрать 30 русских фигур из 300 первых фигур, которые так или иначе связаны с Парижем. И – главное – непонятно, вокруг чего в Париже центрируется сама проблематика. Другое дело – Италия. Все три города, которые уже представлены в серии – это Флоренция, Рим и Венеция. (Кстати, серия будет продолжена: в издательстве уже лежит четвертый том – «Знаменитые русские о Неаполе», куда будут включены также материалы обо всем Неаполитанском заливе – о Капри, о Сорренто, о Помпеях. И там появятся новые интересные персонажи. Но это отступление: сегодня речь идет о презентации уже готовых томов.)

В Италии оказалось, что вокруг каждого города центрируется некоторая проблема. Да, Париж – это очень здорово, я его очень люблю. Но какая проблема могла бы центрировать книгу о русских в Париже? Проблема эмиграции как таковой? Или Французская революция? Немножко банально все звучит. Да, Париж был для русских местом изгнанничества, но в то же время это место некоторого шика, некоторого отдохновения, но все это – не проблема, на мой взгляд. Я ведь по новой своей специальности – философ, сейчас заведу отделом социально-политической философии в Институте философии Академии наук. Для философа профессионального очень важен не просто исторический материал, но и его центрирование вокруг некой философской, если хотите, глубинной экзистенциальной проблемы.

Все три итальянских тома, которые сегодня представлены, концентрируются вокруг серьезных философских проблем. Рим – это проблема вечности истории, вечного города. Что такое в истории вечность? И в римском томе собраны 30 персонажей, которые размышляли над тем, что такое вечность в истории в связи с вечным городом Римом.

Венеция – это тема умирания, умирания цивилизации. Русских она тоже цепляла очень сильно. Многие понимали, что русская цивилизация –

всегда на грани небытия, ее золотой век в прошлом. Это – тоже проблема. Это медленное «проседание цивилизации», подобно тому, как Венеция опускается под воду...

Флоренция, о которой мы сейчас ведем речь, это сразу две темы. Одна тема – в большей степени интеллектуально-политологическая. Здесь правильно говорилось – тема Данте... Мережковский очень точно сказал: «Данте – это священный патрон всей мировой, литературно-политической эмиграции». Да, тема эмиграции и изгнания для русских – одна из самых тревожных и самых значимых. Это одна тема флорентийская. А вторая – это уже связано не с собственным мироощущением русского изгнания, а связано просто с исторической ролью Флоренции. Флоренция – это родина творчества. Там что-то такое произошло, что дало импульс всему европейскому ренессансу. Там жили те люди, которые сейчас являются ключевыми для понимания всей новой Европы. Вот я, когда шел сюда, подумал: а что может вообще в Европе сейчас (да и в мире, возможно) сравниться с культурно-исторической ролью Флоренции, из городов? Из столичных и не столичных городов? Да, Флоренция была столицей великого герцогства Тосканского. Некоторое время, всего несколько лет, была первой столицей объединенной Италии. И все-таки это сегодня не столичный город. И – такая общепризнанная культурно-историческая значимость... Наверное, Санкт-Петербург в чем-то может сравниться, а кто еще? Да, многие сильные и исторически значимые города претендуют на некоторую самостоятельную роль. Приходит на ум Барселона, Эдинбург, но все они недотягивают, безусловно, до Флоренции. И в этом смысле, конечно, Флоренция культурно-исторически выше Венеции. Правильно сказал тот же Мережковский, что «Венеции могло и не быть». Это – такая оригинальная завитушка на истории, но в принципе ее могло и не быть. Да, здорово, что она есть. Но ее могло и не быть. «А что было бы с нами, если бы не было Флоренции?» – спросил Мережковский...

Теперь несколько слов о самой работе над книгой о Флоренции. Да, не все значимые персонажи там присутствуют. Тот же самый Мережковский – у меня очень много материалов по нему. Они с Зинаидой Гиппиус много жили и во Флоренции, и под Флоренцией. Но я, опять же, как профессиональный историк, знаю меру своего незнания, в данном случае – Мережковского, поскольку очень много в западных архивах вещей и там слишком много материалов, чтобы писать об этом скудно.

Отдельная огромная тема: Мережковский и Муссолини. Ведь это лично Муссолини дал ему «грант» написание книги о Данте... Короче говоря, Мережковский не вошел в книгу не потому, что я его не знаю, а потому, что я его слишком хорошо знаю. И слишком хорошо знаю, чего я о нем не знаю...

Еще предстоит доработать многие вещи. Я, например, много думал, надо ли включать в книгу о Флоренции Иосифа Бродского? Он тоже многократно там был, хотя это не был его город. Венеция – его город. У него есть прекрасные стихи о Флоренции, но, тем не менее, пока я отставил эти вещи.

Кстати, Тарковским написана «Ностальгия» во Флоренции – знаю, где, знаю, как, кто окружал его, но эти вещи тоже требуют еще особой работы. Как, кстати, требуют особой работы и другие тома.

Тут ведь есть еще одна большая проблема – чисто рабочая, творческая. Очень много исследователей, которые всю жизнь пишут биографию одного человека. Есть блестящие совершенно примеры того, как это делалось. И, наверное, все персонажи, которые в моей книге, а там 25–30 персонажей на книгу и иногда они пересекаются, тем не менее, есть блестящие общие биографии того или иного персонажа, героя. А вот я попытался пойти другим путем. Я взял 30 персонажей, которые пишут на одну и ту же тему. Не все об одном, и не один обо всем, а 30 человек великих пишут на одну и ту же тему. Вариации на тему Флоренции в данном случае. А второе – меня интересовала не просто биография. Я хотел почувствовать хотя бы один день из его жизни в городе. Вот это, на мой взгляд, – высший пилотаж историка. Не просто знать вообще обо всем, а если это историк, он должен почувствовать хотя бы один день по-настоящему. И вот там, где мне удавалось это сделать, мне кажется, больше всего я доволен именно этими моментами. Причем не всегда везет с источниками, конечно. Хорошо, когда есть такой источник, такой как дневник Чайковского о том, как он писал «Пиковую даму» во Флоренции. И многие читали сам первоисточник. Естественно, для меня это был базовый источник о Чайковском, хотя очень много дополнительных вещей, которые перепроверяются, сопоставляются: мемуарная литература, переписка и т. д. А вот по Достоевскому таких источников нет. Он жил на трех квартирах во Флоренции. Первый его приезд очень сложно мне достался. Идентификация места, где был он в 1862 году вместе с Николаем Страховым всего неделю. И тем не менее удалось установить место, контекст, через вот такие боковые ходы. Второй адрес, где, собственно, и был написан роман «Идиот». Единственная, кстати, внутри, в черте города мемориальная доска, посвященная знаменитому русскому. Написано: «Где-то в этих местах Федор Михайлович Достоевский написал свой роман «Идиот»...» Прямо напротив Палаццо Питти – это очень известное место, хотя я заметил, что многие даже русскоязычные гиды этого не показывают, все бегут по Виа Гвиччардини прямо в Палаццо Питти. Хотя напротив висит мемориальная доска. Ну не совсем понятно тогда, что ж такой мрачный роман и почему в мемуарах такие мрачные воспоминания об этой квартире – если выходит прямо на королевский дворец. Тогда

получается, что он жил не там, а где-то в переулках. И вот удача такая исследовательская. Я, кстати, сравниваю эту историческую работу с походом опытного грибника за грибами. Он не просто идет и хватает все, что попадется по дороге, – он знает, где искать. Вот, на мой взгляд, высший пилотаж исследователя, к чему я всегда призываю своих студентов и аспирантов, – это научиться знать, где искать. Потому что, прочесывая все подряд, ничего невозможно создать. Нужна интуиция. Идешь в «историчку» и чувствуешь: вот там что-то должно быть... открываешь – и точно: есть!

Так вот в одну из поездок во Флоренции я зашел в знаменитую библиотеку, «Кабинет Вьесе», как его все называют. Многие русские посещали эту библиотеку. И действительно, формуляр: Федор Михайлович Достоевский, и, естественно, адрес. Адрес, где он останавливался тогда во Флоренции. Я увидел, что это тот же самый дом, на котором мемориальная доска. Но только совместив это с некоторой мемориальной литературой, мемуарами Анны Георгиевны Сниткиной-Достоевской, которая говорила про этот ужасный колодец, когда выглядываешь в окно, и про ту, извините, вонь, которая идет из этого места. Это, конечно же, не напротив королевского дворца, а окна выходили в один из маленьких переулочков. И вот там был написан «Идиот», в дешевой квартире. Анна Григорьевна тогда уже была почти на сносях, выписали тещу, втроем, в одной маленькой комнатке. После этого приходит письмо от Каткова, из «Русского вестника», где печатался порциями «Идиот», о том, что деньги будут высланы в ближайшие дни. И Достоевский, чтоб сэкономить, меняет квартиру и переселяется в худшие условия, в район Нового рынка, а деньги все не идут и не идут. И он уже не экономит, а он уже только тратит. Раньше он платил помесечно, а теперь он платит поденно, а денег все нет и нет, а температура за 40 по Цельсию, потому что это июль и август. И вот тогда многие вещи становятся понятными. Кстати, по Достоевскому работа еще предстоит, вот эта третья его квартира в районе Меркато Нуово... Он пишет в мемуарах о том, что, выглядывая в окно, видит лоджии Нового рынка, слышит жуткий крик людей и ослов, и только успокаивает вот этот знаменитый бронзовый «порчелино» («поросенок») – хотя тот, кто посещал Флоренцию, знает, что это не поросенок вовсе, а большой бронзовый кабан. Так вот, Достоевский видел его из своих окон. Но нет точного адреса; библиотеку он уже не посещал в такую жару, и только можно догадываться, где он жил...

Поэтому это неисчерпаемая, конечно, тема: знаменитые русские во Флоренции. Но то, что Флоренция сделала для русской культуры, это совершенно беспрецедентный вклад. И я хотел в заключение подчеркнуть: Флоренция способна и дальше многое приносить русской культуре. Ведь в 10-е годы по почину знаменитой русской меценатки графини Варвары Бобринской тысячи русских провинциальных земских учителей ездили в

специальные, дешевые экскурсии в Италию. И именно Флоренция была центром этой поездки. И есть воспоминания. Это, конечно, был не просто поверхностный туризм, а это был некоторый шанс для человека, который работает на ниве образования, и этот шанс, я уверен, большинство пыталось использовать. Не знаю, насколько это успело принести пользу всей русской культуре, но то, что стратегический выбор был сделан правильно, безусловно.

Были более элитарные поездки – студенческие, магистерские поездки, под руководством знаменитого русского историка Ивана Михайловича Гревса, знаменитого знатока Флоренции. Эти путешествия Гревс готовил месяцами, готовился вместе со студентами, называя поездку во Флоренцию не просто туризмом, но паломничеством. Они изучали буквально каждый дом в историческом развитии. У них был целый план, они жили три недели во Флоренции. По мысли Гревса, Флоренция выше Рима, тем более Венеции.

Сейчас «русские караваны» (как их называют итальянцы) снова стали заметны на улицах Италии. Кто бывал, знает, что на площади Сан-Марко, например, в Венеции русский голос слышен чаще любого другого. Можно спорить о качестве этих поездок. Но я – оптимист. Меняются приоритеты спустя практически век, вновь складывается ощущение огромной интеллектуальной пользы Италии...

Поэтому я хочу еще раз поприветствовать этот почин создания в Москве Флорентийского Общества, пожелать ему успеха, пожелать всем, кто еще не был во Флоренции, обязательно там побывать. Наверное, она входит в тройку городов, незаменимых для гуманитария. Ну а я обещаю, что будут, наверное, новые книги, хотя после каждой книги я оглядываюсь, думаю, что я больше уже не потяну. И вот когда я издал трехтомник, я отказался от Генуи, отказался от Милана, от Неаполя. Но через два месяца как-то немножко передохнул и для себя сказал: «Нет, Неаполь я все-таки напишу, вместе с Капри и Сорренто». Не знаю, что будет дальше. Я думаю, что наше общение интеллектуальное поможет всем нам. Здесь очень многие относят себя к «русским европейцам». Мы много написали на эту тему. Я думаю, что такие акции, как тот «карамзинский юбилей», который праздновался недавно в Эрмитаже, как те проекты, которые делает Библиотека иностранной литературы; как то, что делается и будет делаться во Флорентийском Обществе, – все это поможет нам создать ту интеллектуальную среду, в которой нам всем будет лучше и интересней работать. Спасибо большое.

П. Д. Баренбойм

Большое спасибо, Алексей Алексеевич. Вы, конечно, имеете право взять слово на любой стадии нашей дискуссии. А теперь начнем дискуссию. Выступления 5–7 минут. Кто возьмет слово?

Е. Ю. Гениева

У меня, Алексей Алексеевич, к вам вопрос в связи с тем, что вы не включили, и сделали это, судя по всему, совершенно сознательно, Иосифа Бродского в число своих великих русских, которые связаны с Флоренцией. Мне было все-таки очень интересно узнать причину.

Но у меня есть еще и второй вопрос. Флоренция прошла по судьбам русских людей, в том числе и современных, не по касанию, а довольно глубоко. Я думаю, что аудитории это известно, а если нет, то Вам-то, конечно, известна связь Андрея Дмитриевича Сахарова с Флоренцией. Есть его заметки по Флоренции, очень любопытные, следует отметить. Мне, конечно, было бы очень интересно узнать, почему Вы так жестоко отсекали такой вкусный, лежащий на поверхности материал. Спасибо.

А. А. Кара-Мурза

Большое спасибо, что вы сейчас заговорили об Андрее Дмитриевиче Сахарове. Это – развитие темы русского изгнанничества. Сюда же относятся и Бродский, и Тарковский. У меня есть большие заготовки, связанные с этой проблематикой русского диссидентства. Причем я начинаю ее издавать. Ведь Великое Герцогство Тосканское было достаточно либеральным. Во всяком случае, в XIX веке там было очень много эмигрантов из Австро-Венгрии, существовали диссидентские клубы. Кстати, Николай I во время поездки по Италии очень быстро покинул Флоренцию именно по причине того, что ему казалось, что это «рассадник диссидентства», он почувствовал там «интеллектуальную фронду». Вот над этим большим проектом, связанным с проблемой русского изгнанничества, я еще буду специально работать. И Андрей Дмитриевич Сахаров займет в нем, безусловно, подобающее ему высокое место.

С. П. Капица

Я поделюсь своими впечатлениями о Флоренции. Они относятся к 1968 году. Приблизительно в то время состоялась моя встреча с Сахаровым. Мне бы хотелось обратить ваше внимание на «Путевые заметки» по Италии Сергея Ивановича Вавилова. Замечали вы их или нет, я не знаю. Екатерина Юрьевна Гениева кивает, видимо, сигнализирует, что она о них знает. Алексей Алексеевич, Вы говорили, что будете писать о Неаполе. В Неаполе была морская биологическая станция, которая, кстати, находи-

лась под большим влиянием русских ученых, Ковалевского и Мечникова. Вы обратили на это внимание? Идеи Мечникова, которые, по существу, лежат в основе современной теории иммунитета, зародились в Неаполе.

Есть еще одна занятая вещь. Галилей жил в Италии, но подпольно его труды издавались в Голландии. Самое любопытное, что то же самое издательство издавало века спустя «Рассуждения о мирном сосуществовании и прочем» Сахарова. Голландия всегда была неким оплотом свободомыслия, и вот почти через 400 лет два великих мыслителя нашли выход своим идеям именно в голландском издательстве. Один из Флоренции, другой в тот момент своей жизни – из Нижнего Новгорода. Об этом мне хотелось напомнить, говоря о великом городе.

Ф. М. Бурлацкий

Я прочел небольшой очерк Николая Бердяева о Флоренции и о взаимопроникновении культуры русских людей и итальянской, в особенности флорентийской культуры. На очень небольшой площадке он высказал самое главное о русском характере, русской культуре, несколько тяжеловесной, углубленной в себя и драматичной, трагической по своей направленности и изяществу, легкости, глубине необычной флорентийской итальянской культуры. Нас всегда тянет к тому, чего недостает нам самим. Мне по дальней ассоциации пришла в голову мысль, может быть, спорная и немножко странная. Соотношение русской и американской культур, и русской и европейской культур, наше тяготение то к Европе, европейской культуре, европеизму, то к Америке.

Меня всегда поражало, что Ленин, который был, в общем-то, культурным и образованным человеком, при всех обстоятельствах так не любил Европу. Он столько времени прожил в Европе, но ненавидел ее установления, постоянно ругал парламент, практически ничего не писал о памятниках исторических европейских и так далее.

Затем Сталин и Ленин в какой-то степени сориентировали нас именно на Соединенные Штаты. Соедините-ка, помните, «соедините русский революционный размах и американскую деловитость». Все мы несколько помешались на этом соединении. И дело дошло до того, что Хрущев, это уже на моей памяти, включил все это в программу партии, догнать и перегнать не Европу, а как раз Соединенные Штаты. Это очень любопытно.

И потом после Хрущева мы все время примерялись к США. Ну, может быть, потому, что мы претендовали на звание сверхдержавы, но и не только поэтому. Мне в этом видится нечто другое. Мы готовы были от Запада заимствовать то, что японцы позаимствовали у Запада еще в 60-х годах прошлого века, то есть технологическую культуру. Вот откуда это тяготение к США. Мы хотели взять технику, организацию, строить паровозы, маши-

ны, пушки, бомбы. И не хотели заимствования подлинной культуры. Отсюда наше пренебрежение к старушке Европе или невнимание к ней вопреки русской национальной традиции, которая прекрасно воплощена в произведениях, которые подобрал для нас Алексей Кара-Мурза. Это ценнейшее в этом смысле издание.

Мне кажется, что мы сейчас подходим к рубежу понимания того, что мы европейцы. Вот говорят, что мы евроазиаты. Это мне кажется (и всегда казалось) вздором. Азиатчина оказала на нас чудовищное влияние – иго, и через него многие другие невкусные сюжеты. На самом деле изначально мы были европейцами, потом стали утрачивать эти качества. А теперь, может быть, мы возрождаемся как русские европейцы. Русские европейцы до революции дают нам блистательные в этом отношении рецепты и указания, где искать, что искать, чему учиться.

Флоренция в этом смысле – оазис. И архитектура, и изобразительное творчество в целом, и поэзия, и политическая культура. Мы начинаем «обнюхивать» политическую культуру Флоренции. И мне кажется, что наше сообщество могло бы содействовать через Флоренцию, через Италию тенденции европеизации, духовной, культурной европеизации. Это не значит переориентацию, антиамериканизм, который мне совершенно не нравится, но все-таки это возвращение, духовное возвращение в Европу.

В заключение я хочу поблагодарить от всей души Алексея Кара-Мурзу. Я общался с ним на политическом поприще и не знал, как глубоко и как интересно он «копает» в сфере культуры и как полезно работает на ниве духовности. Спасибо.

В. К. Кантор

Я начну с книг, ради которых мы, в общем-то, собрались. Перед нами совершенно удивительные книги. И я хотел бы поставить их в некоторый контекст. Я как раз занимаюсь проблемами русского европеизма и даже выпустил книжку «Русский европеец». Меня всегда поражало, что, говоря о русском европеизме, мы поминаем обычно Германию, разумеется, Францию, известна галломания русских дворян, Англию, англоманов меньше, но все-таки и они были. И почти никто, как правило, в историко-культурных трудах не упоминает про Италию. Это удивительно. Меня еще в университете поразило, что «Мертвые души» строятся как трехчастная Дантова «Божественная комедия». И написан только первый акт, «Чистилище» не дописано, а на «Рай», исходя из материалов о России, у него, конечно же, и духу не хватило. Какой же рай в этой стране? «Рай» можно сделать только так, как сделал Данте.

И потом, дальше – больше. Как-то какие-то отголоски я увидел у Гончарова, даже немного об этом написал. Все говорят о Данте. Анне Андре-

евне Ахматовой однажды задали вопрос, читала ли она Данте? На что она горделиво подняла голову и ответила: «Я всегда читаю Данте». Вот камертон русской культуры!

Я не случайно вспомнил Гоголя и поминаю сейчас Ахматову. Я уж не говорю про Мандельштама с его разговором о Данте и так далее. Алексей Кара-Мурза вспоминает здесь своих родственников, деда с бабкой, которые бывали в Венеции. Мой дед – бывший профессор геологии латландского университета, написал две пьесы. Одна называлась «Сандро Боттичелли», а другая «Виктория Коломна». Таким образом, у меня, так же как и у Алексея Алексеевича, тяга к Флоренции носит семейный характер. Как выяснилось, русских европейцев не так мало.

Мне было очень приятно и интересно читать книги Алексея Кара-Мурзы. Я не говорю о том, что чтение само по себе захватывающее, можно сидеть, листать, можно открывать в середине, а можно читать подряд. Было бы время, поскольку эта книга требует какого-то времени. Но я сейчас о другом. Алексей увидел здесь, на мой взгляд, очень важную вещь. Он не случайно начал с Данте, фигуры знаковой для русских изгнанников. Мы сейчас вспоминаем Флоренцию как место европейской святой культуры, но не надо забывать, что Флоренция была местом, из которого Данте был изгнан.

Между прочим, у Савонаролы и Медичи, о чем упоминал Петр Давидович, были очень серьезные столкновения. Савонаролу ведь казнили не просто так, его сожгли. Надо вдуматься, до какой энергии и ярости доходили эти споры.

Наверное, все уважаемые мной здесь присутствующие читали Томаса Манна, где этот вопрос будет поставлен, и где Томас Манн так и не ответил, кто же прав. И не помню кто, по-моему, Пико делла Мирандола, спрашивает Лоренцо Медичи о Савонароле. «Мне трудно ответить, – говорит он, – но кажется, нравственность стала возможна». Савонарола – символ нравственности, а Лоренцо Медичи – символ прекрасного, эстетики. Два этих момента сошедшиеся, гениально угаданные Томасом Манном в Италии, во Флоренции, Алексей замечательно показал в своих книгах. Это касается не только Флоренции, я имею в виду и Венецию, и Рим, разумеется. И каждый город со своей темой. Хотя тема все та же. Вот это странное и естественное сближение трагического и возвышенного, которое, может быть, выразил Мандельштам в своих строчках: «Может быть, из тяжести недоброй и я когда-нибудь высокое создам».

Я считаю, что эти три книги заполняют нишу в сознании, повествуют о взаимопроникновении двух культур. Италия сыграла важную роль для России. И Алексей сумел это нам показать. Как говорил Хайдеггер, чтобы понять, надо показать. Европа пошла из Италии. Италия – родина Ренес-

санса, который потом охватил всю Европу, по своему перевернул, вызвал ответную Реформацию. Скажем, был небезызвестный немец, Гете, влюбленный в Италию. Он считал, что это лучшее, что ему в жизни довелось увидеть. По-моему, это говорит о многом.

Любой крупный деятель европейской культуры, конечно, пережил боль и очарование Италией, и русские мыслители и художники тоже. Именно это Алексей отчетливо нам показал, за что, в общем, кроме спасибо, сказать, наверное, ничего нельзя.

Удивительно, всегда кажется, как просто то, что он сделал – собрал, прокомментировал, издал. А ведь самое простое – это надо придумать, это надо осознать. Именно это осознание дорогого стоит.

П. Д. Баренбойм

Да, Флоренция стоит обедни. Все-таки приятно быть президентом Флорентийского Общества. Хочется себя считать главным флорентийцем в Москве, поскольку должность главного европейца уже занята. Дело в том, что у нас выходит журнал «Вестник Европы». Его главным редактором является Ярошенко Виктор Афанасьевич, который с факелами и фейерверком утвердил свое право называться главным европейцем Москвы. Поэтому, Виктор Афанасьевич, я думаю, надо что-то сказать.

В. А. Ярошенко

Должен признаться, сегодня я испытываю глубокое чувство зависти к Алексею Кара-Мурзе. И я рад за него, потому что читал его книжки политологические, философские. Они высокопрофессиональны, они умны. В них видно глубокое эмоциональное напряжение и такой внутренний восторг души, который переворачивает жизнь. Я представляю, с каким удовольствием он писал их и работал над этим благодарным материалом.

Я думаю, Алексей Алексеевич вряд ли остановится на серии этих блестящих книг, он пойдет дальше. Я думаю, что все меньше и меньше его душевных струн будут затрагивать такие важные для России вещи, как политология, как структура нашей власти. Такие глубокие исследования, связанные с историческим обоснованием в русской душе тяги к этим священным камням, не случайны. Я вспоминаю презентацию книги Владимира Кантора года три назад, когда была фотовыставка Алексея Алексеевича «По священным камням Европы». Блестящие фотографии. Он ведь, наверное, мог воспользоваться правом автора и, как многие, собственными фотографиями иллюстрировать свою книгу. Но даже в этом он достаточно скромно.

Взгляните внимательнее, вроде бы это просто русские о Венеции, русские об Италии, русские о Риме, но в качестве единой нити повество-

вания все время идет очень ненавязчивая, интеллигентная и увлеченная авторская интонация.

Россия и Европа – это абстракция, а если рассматривать взаимосвязь России и конкретной страны, конкретного человека или города – это уже острая находка.

В числе будущих тем автор, на мой взгляд, мог бы затронуть российское православие и итальянский католицизм. Это совершенно не банально. Ведь Россия всегда в какой-то степени противопоставляла себя Италии именно из-за католицизма. И поэтому темы России и Рима, России и Флоренции, которая была как бы диссидентом Рима, невероятно интересны.

Я когда-то, лет двадцать назад, на протяжении двух лет работал в журнале «Сельская молодежь». Те два года я просидел в исторической библиотеке. И написал некий такой текст «Любовь к Венеции». Я помню, что он начинался с того, что моя любовь к Венеции создана из текстов, из книжек и картин.

В то время никуда нельзя было поехать, поэтому я написал: «Сидите дома, мой читатель. Любите, как я, на расстоянии». В общем, я до сих пор продолжаю «любить на расстоянии», потому что так нигде и не бывал. А вот недавно побывал в Греции, и в этом номере описал свои восторженные бульканья неофита, который прикоснулся к античным камням.

Нам предстоит снова пройти Европу пешком, нам предстоит всю Европу прожить. Европеизм и антиевропеизм состоит из нашего к нему эмоционального отношения. Русское сознание всегда очень противоречиво. Мы постоянно позиционируем себя с Европой в какой-то очень сложной комбинации.

В заключение хотелось бы отметить, что для Алексея Алексеевича Венеция – это город смерти, а для меня это город, который разрушил Константинополь, разграбил и погубил Грецию, в некотором смысле уничтожил Акрополь. Спасибо.

М. С. Киселева

Я – доктор философских наук и работаю в журнале «Человек». В связи с теми красивыми и действительно очень содержательными книгами, которые мы сегодня имеем счастье прочесть, мне пришло на память когда-то читанное и не раз пересказанное студентам ощущение новизны досуга, о котором говорил Никколо Макиавелли. Досуг – это великое счастье человека, и только тогда человек и может жить, когда он имеет этот досуг и употребляет его на обогащение своего духовного мира. И вот после тяжелого рабочего дня, придя домой и сняв с себя пыльные, официальные одежды, ты облачаешься в прекрасную тогу, берешь в руки книги, открываешь их и начинаешь прекрасную беседу с людьми, которые тебе дороги.

Люди, дорогие сердцу Никколо Макиавелли, жили в античности. В наши дни с помощью книг Алексея Кара-Мурзы мы можем ощущать себя почти в том же состоянии, в каком ощущал себя Макиавелли, когда он открывал книги своих друзей. Мы тоже можем открыть книгу «Знаменитые русские...» благодаря нашему другу Алексею Алексеевичу Кара-Мурзе, звездному историку, что для меня, например, является большой неожиданностью. Эту сторону его таланта я не знала. А благодаря Флорентийскому Обществу мы имеем возможность беседовать о прекрасных минутах, пережитых когда-то русскими людьми во Флоренции. Чувства, пережитые этими людьми, переполняют наши сердца.

И еще один вопрос: предполагается ли присутствие прекрасных флорентиек на заседаниях Флорентийского Общества? Ведь Флоренция, как известно, оставила в искусстве замечательные художественные образы великолепных дам эпохи Возрождения. Очень, надо сказать, ученых дам.

П. Д. Баренбойм

Как председатель Флорентийского Общества хочу вас заверить, что мы создавали общество, конечно, ради и из-за прекрасных флорентиек. Флоренция, да это ведь женщина, это вечная весна! А мы, мужчины, просто на службе великого флорентийского женского начала.

М. В. Левнер

Сегодня много говорилось о том, что на улицах Италии все чаще слышна русская речь, а на площади Сан-Марко она превалирует. А прислушивался ли кто-нибудь к содержанию этой речи? О чем говорит молодежь или более взрослые люди? Никто из них не знает истории итальянских городов, по большому счету многие вообще не понимают, где они находятся. Путеводители, используемые туристами, дают им абсолютно поверхностные знания.

На мой взгляд, очень важно, чтобы люди, особенно молодые люди, дети знакомились с Флоренцией через воспоминания, мемуары великих соотечественников и сопоставляли свои ощущения от современной реальности с прочитанным. Поэтому, мне кажется, Екатерина Юрьевна, что в Вашей программе «Пушкинская библиотека» подобные книги должны обязательно попасть и в сельские библиотеки, и в школьные библиотеки. Хотя бесспорно, нельзя познавать и любить мир только через книгу. Мне кажется плодотворной идея о том, что Флорентийское Общество могло бы способствовать поездкам школьников и студентов во Флоренцию. Конечно, они должны ехать в эти места уже с определенным гуманитарным багажом, обогащая свои знания не с помощью поверхностных путеводителей,

а, например, с помощью таких великолепных книг, которые всем нам подарил сегодня Алексей Кара-Мурза. Книги действительно замечательные. От имени моей семьи большое Вам спасибо.

В. И. Радченко

Ну, а теперь о Флоренции. Меня как юриста, давно пришедшего к убеждению о целесообразности отмены смертной казни, не может не привлекать тот факт, что Флоренция, точнее герцогство Тоскана, стала первым государством в Европе, а возможно, и в мире, отменившим в законодательном порядке смертную казнь. Произошло это в 1786 году, когда эрцгерцог Леопольд обнародовал Уголовный кодекс, исключивший лишение человека жизни в качестве меры уголовного наказания.

Обычно это событие связывают с именем Чезаре Беккариа, выдающегося гуманиста, провозгласившего в середине XVIII века необходимость отказа от смертной казни, чьи идеи были положены в основу Уголовного кодекса Тосканы. Отдадим должное Беккариа, но без особой ауры, которая свойственна Флоренции, вряд ли его идеи стали бы реальностью.

Окунувшись в атмосферу Флоренции, ознакомившись с ее историей, начинаешь понимать, почему именно здесь произошло столь значимое событие. С начала XII века город становится коммуной, в нем устанавливается республиканская форма правления, и несмотря на то, что временами власть сосредотачивалась в руках кучки олигархов, широкие политические и экономические свободы, присущие Флоренции, способствовали превращению города в один из центров Возрождения. С ним связана деятельность таких титанов той эпохи, как Данте, Боттичелли, Микеланджело, Макиавелли.

Свобода мысли, свобода творчества предрасполагали к развитию идей гуманизма, высокая концентрация шедевров искусства на единицу площади, естественно, приводит к мысли о высокой ценности человеческой жизни.

И я думаю, не случайно именно во Флоренции были впервые реализованы мечты гуманиста Беккариа. Сегодня отмена смертной казни стала свершившимся фактом, но тех, кто был первым, забывать нельзя.

У нас серьезные проблемы с установлением правового государства. Не могут нормально работать законы в той стране, где больна экономическая база общества, наши политические и экономические неурядицы не позволяют реализовать тот потенциал, который заложен в нашей правовой системе, воплотить в жизнь те возможности, которые мы получаем в ходе судебной реформы. Когда бываешь в Европе, видишь, что там во многом решены экономические проблемы, а значит, и в полной мере работает правовая система.

Нам сегодня приходится состязаться с Португалией. Я был в Португалии. Заезжаешь в португальскую деревню и вдруг чувствуешь, что это очень напоминает мою родную брянскую деревню. С одной разницей: у них в деревне есть таверна, а у нас таверны нет, поэтому пьют каждый в индивидуальном своем огороде. Думается, у нас есть надежды на сближение экономического уровня, а это сблизит нашу правовую систему с европейской.

Впечатления от поездки во Флоренцию просто великолепные. Видимо, правильно, что в конце XIX века Флоренция шесть лет была столицей объединенной Италии, потом Вечный город вернул себе честь быть столицей. Но все-таки несколько лет духовная столица страны (именно так я воспринимаю Флоренцию) была юридической столицей. Когда выходишь на площадь Синьории, невольно попадаешь под впечатление той концентрации истории, государственного интеллекта и искусства, которые там сосредоточены. Статуи великих флорентийских скульпторов, галерея Уффици – это, конечно, производит впечатление, особенно когда ты попадаешь туда впервые. Сами флорентийцы привыкли, по-моему. На центральных площадях коренных флорентийцев встретить сложно. В основном там разная речь. Но, что правильно было отмечено, часто слышен русский язык. Сегодня здесь много говорилось о том, что молодежь плохо знает Италию. Что же, можно только посочувствовать. С другой стороны, очевидно, что в 20–25 лет вес имеют другие ценности, чем в 40 и старше. Поэтому не будем особенно упрекать нашу молодежь. Но, естественно, следует по мере сил помогать молодым в обретении знаний о том, что такое Италия, что такое Флоренция.

Современная Европа во многом начиналась с Италии, потому что без эпохи Возрождения, наверное, не было бы ни блестящей культуры Франции, ни великого технологического прорыва Англии и Германии. Повидимому не было бы реформ Петра Первого и всего, что благодаря им происходило с Россией впоследствии.

Говоря о современной правовой системе, также нельзя не отметить, что ее родиной, колыбелью права была Италия. Курс римского права юристы изучали в советские годы, изучают и сейчас. Именно поэтому мне очень приятно, что сегодня здесь с разных точек зрения мы говорим о Флоренции, которая действительно, наверное, один из самых замечательных и один из самых выдающихся городов мира.

Наше Флорентийское Общество представляет собой весьма необычную форму объединения людей, интересную арену для интеллектуального общения. А одним из важнейших результатов деятельности общества и лично его президента, Петра Давидовича Баренбойма, на мой взгляд, является просветительство, благое дело по сближению двух культур.

П. Д. Баренбойм

Я должен сказать, что, конечно же, в Москве не хватает тепла. Нам не хватает, всем нам не хватает Ренессанса. И почему возвращение к идеям Ренессанса сейчас наиболее обостренно? Ведь что такое была Флоренция? Маленькое государство на карте Европы. С военной точки зрения, совершенно беззащитное. Но они противопоставили более сильным соседям величие духа, красоту, культуру и преодолели все свои затруднения.

Здесь есть какие-то аналогии с современной Россией. Кроме того, просто хочется чувствовать себя хоть чуть-чуть флорентийцем, чувствовать себя хоть чуть-чуть причастным к Ренессансу. Нести этот Ренессанс в себе. Ведь в России он, Ренессанс, еще не состоялся. А так хочется, чтобы все случилось, чтобы начало Ренессанса пришлось на наши дни. Если нет Ренессанса в стране, создадим его в отдельно взятом помещении, в отдельно взятом сообществе людей. Мы будем на этом настаивать.

Я должен сказать, что Алексей Алексеевич Кара-Мурза, безусловно, человек Ренессанса, только, как и каждый из нас до объединения во Флорентийское Общество, он нес это в себе в одиночестве. Он, конечно, сделал невероятный прорыв. Его трилогия крайне важна. И то, что выйдет «Неаполь», это очень хорошо. Но у меня есть предложение. Алексей Алексеевич, а почему обязательно идти все время вширь? Может быть, сосредоточиться после Неаполя на доработке Флоренции? Вы представляете, это будет великая книга, если вы включите туда пожелания Екатерины Юрьевны Гениевой, свои собственные наработки. Не откладывайте на потом. Сделайте сейчас, пока есть Флорентийское Общество, вымпел, президент, наконец. Я уверен, Ваши усилия будут поддержаны. Эта книга может разойтись и будет в любой библиотеке страны. В каждой школе. Школьники будут писать. Школьники будут ездить. И все это объединится вокруг Вашей книги.

П. Д. Баренбойм

А теперь внимание! Сейчас Александр Владимирович Захаров будет наизусть читать «Божественную комедию».

А. В. Захаров

Мы все находимся под вечным впечатлением от Флоренции, и книги Алексея Кара-Мурзы помогают нам облечь наши ощущения в слова. Благодаря этим замечательным книгам, даже находясь в России, мы имеем возможность путешествовать по флорентийской земле, вновь открывать для себя этот огромный мир. Я бы сказал, что Флоренция – это не просто город, это какое-то особое место, которое обладает эффектом магнетической

вспышки, произошедшей уже почти пять столетий, и даже более, назад, но светящей до сих пор.

Читая трилогию Алексея Кара-Мурзы, я ознакомился с первыми впечатлениями Бенуа от Флоренции. Он пишет, что его пленило во Флоренции сочетание чего-то очень строгого, почти мрачного, с тем, что является необычайно ласковым. Именно таковы и мои личные ощущения от этого города, но для того, чтобы сформулировать их подобным образом, надо, видимо, родиться Бенуа и приехать во Флоренцию в конце XIX века.

Ссылаясь на замечательную книгу Алексея Кара-Мурзы, я привел вам первые впечатления Бенуа от Флоренции, а вот первые впечатления австрийского поэта Рильке: «Вырасти рядом с такими вещами, созреть в окружении всего этого великолепия, это же должно в известном смысле воспитывать даже самых темных...» Рильке пишет об одном великом флорентийце: «Ни один человек на свете не в состоянии создать столько красоты, чтобы полностью ею облечься». Так вот, если говорить о Флоренции как о некоей совокупности людей, которые создавали красоту, то это, на мой взгляд, как раз и есть то место на земле, которое воплощает в себе столько красоты, что человечество вполне способно ею облечься.

Я думаю, тема красоты и воспитания в себе высоких эстетических начал будет актуальна всегда. Она всегда будет звучать в рамках Флорентийского Общества серьезно и высоко. И поскольку я, после нашего ужина с флорентийским министром Еугенио Джани, обречен не только выучить несколько строф «Божественной комедии», но и стремиться к тому, чтобы когда-то, может быть, к концу пути, знать наизусть всего Данте, я хочу завершить наше сегодняшнее заседание цитатой из «Чистилища». На мой взгляд, строки, которые я сейчас хочу предложить Вашему вниманию, как нельзя более перекликаются с целями и замыслами Флорентийского Общества. Ведь что такое Флорентийское Общество? Это вечное паломничество в вечный мир Флоренции, что весьма созвучно драматургии, которая есть в «Божественной комедии». Ведь это же большое путешествие, путешествие в иные миры. Данте начинает «Чистилище» как раз такими словами:

*Для лучших вод подьема парус ныне,
Мой гений вновь стремится свою ладью,
Блуждавшую в столь яростной пучине.*

Так и мы будем блуждать в этой яростной пучине духа и красоты, которая называется Флоренция, черпая в ней все лучшее.

*Заседание Флорентийского Общества,
посвященное 750-летию флорина и
600-летию государственной карьеры Джованни Медичи*

12 ноября 2002 года

П. Д. Баренбойм

У нас осталось три юбилея и последнее заседание в этом году. Поэтому начнем с самокритики. Третий юбилей – 500-летие Леонардо да Винчи. После серьезного обсуждения мы поняли, что тема слишком значительная для объединения с другими. И поскольку это 500 лет со дня рождения, то решили, что несколько месяцев разницы погоды не сделают, и мы проведем это юбилейное заседание в феврале следующего года. Примерно так. И тема будет не просто юбилей Леонардо да Винчи, а универсальность знаний, которые этот человек сочетал в себе наиболее ярко. Но два других юбилея мы не можем пропустить. Это 750-летие со времени чеканки первого золотого флорина, первой единой валюты Европы. Я здесь буду давать свидетельские показания, потому что в культурной столице Европы 2002 года, бельгийском городе Брюгге прошла выставка «Ганза – Медичи», и, к сожалению, те схемы, о которых я вам расскажу, и географическая и структурная, в каталоги выставки не попали. Выставка уже закончилась. Поэтому по памяти я восстановлю то, что напрямую связано с Россией и напрямую связано с Флоренцией.

Второй юбилей – это 600-летие с того времени, когда Джованни Медичи, которого намного меньше знают, чем его сына Козимо Старшего или правнука, Лоренцо Великолепного, занял первую государственную должность во Флоренции. Он занял ее всего на два месяца, потому что во

Флоренции государственные должности замещались на такой срок на основе выборов, слепых выборов. Вслепую вынимали бумажку из сумки, куда набрасывались записки с именами граждан, которых можно было избирать. И вот на два месяца Джованни занял первую свою государственную должность. Потом он еще несколько раз ее занимал, каждый раз на два месяца, и тем самым создал конституционное чудо, которое во Флоренции сыграло критическую роль в развитии искусств. Вот эти две даты.

Я с присущей мне легковесностью сделаю короткий «доклад» по обоим юбилеям. У нас, кстати говоря, к традиционному флорентийскому знамени, которое подарила нам флорентийская Синьория, прибавилось еще знамя провинции Тоскана, врученное нашему Обществу. Очень интересно, что гербом провинции Тоскана является Пегас. Чуть позже мы скажем о той серьезной работе, которая сейчас проводится обществом, отчитаемся о поездке во Флоренцию, расскажем о ближайших планах. Но пока я начну свой так называемый доклад с материала, которого до выставки «Ганза – Медичи» в городе Брюгге мне никогда видеть не приходилось. Там я впервые увидел схему структуры банковско-промышленной группы Медичи, увидел и поразился, потому что по изощренности и разветвленности, она может дать фору многим современным финансово-промышленным группам.

Ганза в представлении авторов выставки начиналась с нашего Великого Новгорода, проходила через германские города и заканчивалась в Брюгге. То есть горизонтально, если иметь в виду карту Европы, от Новгорода, через Германию до Брюгге, шел поток товаров, туда и обратно. Брюгге был в то время ключевым портом Ганзы. Вертикально, из Италии, шли финансовые потоки. Оказывается, Медичи и целый ряд других итальянских банковских домов, из которых Медичи, благодаря и вкладу в историю, и, кстати, вкладу финансовому, оказались наиболее знаменитыми, финансировали эту торговлю. Получилась такая вот горизонталь с вертикалью. И оказалось, что золотой флорин, который был 750 лет назад отчеканен во Флоренции, являлся одной из основных валют, которые применялись в Ганзе, на всем этом великом европейском торговом пути. Он был особенно ценен тем, что его достоинство обеспечивалось торговой мощью Флоренции, а также финансовой мощью банкирского дома Медичи и других банков.

Кстати, первая биржа мира, это была валютная биржа, была создана именно в городе Брюгге. Очень интересна ее история. На площади в Брюгге рядом с домом, когда-то принадлежавшим купцу Ван Берсу, и через дорогу от снесенного сейчас «флорентийского дома» – центра флорентийского купечества, торговали купцы. Бартер не очень у них был, видимо, в ходу, и когда нужно было менять монеты различных стран, расчетной еди-

ницей у них часто был золотой флорин. Так вот, на этой площади производились расчеты и обмен валют. А когда шел дождь, (который в Брюгге идет довольно часто), купцы уходили в дом Ван Берга. В итоге его имя превратилось в название биржи и разлетелось по свету, переведенное на все языки. Это случилось в XIV веке.

Медичи имели филиал своего банка в Брюгге. Этот филиал сыграл очень важную роль, как показывает та же выставка в развитии итальянского искусства, а также в развитии фламандского искусства. Глава отделения банка Медичи в Брюгге скупал лучшие произведения фламандских мастеров, и они попадали во Флоренцию, оказывая явное влияние на местных мастеров. Благодаря Медичи и некоторым другим флорентийским и нефлорентийским банкирам, которые заказывали фламандские произведения искусства и финансировали Ганзу, фламандские купцы богатели и, в свою очередь, заказывали во Флоренции творения итальянских мастеров. В итоге, знаменитая скульптура Микеланджело и произведения многих итальянских скульпторов и художников находятся в музеях и соборах Брюгге, абсолютно уникальных, которые могут бросить вызов любому собранию живописи в любой столице.

Так произошло первое взаимовлияние в рамках Ренессанса. Вернемся к Медичи. У Медичи было отделение банка в Брюгге, которое финансировало французских королей. У них было отделение банка в Лондоне, которое финансировало английских королей. И, как показывает выставка и та схема, о которой я вам рассказал, они финансировали или обеспечивали своими финансовыми потоками торговлю в рамках Ганзы.

И вот, глядя на Великий Новгород, который единственный из российских городов замыкал эту цепочку Ганзы на Востоке, я подумал о том, что Иван Грозный, кажется, первый начал прорубать окно, форточку или брешь в Европу, в свою очередь, уничтожив все вольности и торговлю Великого Новгорода. А на самом деле у нас была дверь в Европу, и если бы она сохранилась, может быть, многое бы пошло по-другому.

Ну что ж, теперь коротко о Медичи. Джованни Медичи – самый скромный из Медичи. Не с него начинается род Медичи, который до этого несколько столетий был во Флоренции достаточно известным. Представители этого рода избирались на государственные должности на пару месяцев, не больше, с правом иногда повторного избрания, если им выпадал жребий. Те представители семейства Медичи, которые участвовали в государственной жизни Флоренции до Джованни, участвовали в формировании, я бы сказал, концепции этого правления. Все мы знаем о восстании чомпи. Восстание пролетариата, которое привело, кстати, во Флоренции к расширению числа цехов ремесленников, допущенных к государственной власти. Так вот, представитель семейства Медичи, который был на два месяца из-

бранным правителем как раз в период восстания чомпи, поддержал восставших, почти единственный из всей тогдашней Синьории. И хотя потом восстание было подавлено, у народных масс, как мы любим говорить, так же как и у среднего сословия, и у пролетариата, осталось уважение к семейству Медичи.

Но все-таки в своей основе семья знаменитых Медичи начинается с Джованни, который заложил основы знаменитого банкирского дома и который в периоды, когда он был у власти непосредственно или в периоды, когда он мог влиять на власть, провел во Флоренции налоговую реформу. Флоренция с тех времен и почти до настоящего времени остается образцовым местом, где платят налоги. Он ввел прогрессивный налог, подвергнув ему всех, и бедных и богатых, чего до него не было. Тем самым он ввел во Флоренции систему социального и политического баланса. Семья Медичи, кстати, семья не аристократическая, потому что во Флоренции ко времени, когда Джованни пришел к власти, аристократы не допускались к государственным должностям. Если человек аристократического происхождения хотел занять государственную должность во Флоренции, он должен был отречься от аристократического титула. Это был единственный из известных и крупных городов Европы с такой традицией. Джованни, тихий, скромный человек, основал мощнейший финансово-банкирский дом, финансово-промышленную группу, потому что туда входили не только банки, но и много предприятий, в первую очередь по переработке шерсти.

Его сын, Козимо Медичи Старший, по мнению многих, является образцом правления, при этом он крайне мало занимал государственные должности, был главой той самой партии, которая объединяла простой народ и средний класс. И уже на базе этого партийного правления он развивал, во-первых, свой банкирский дом, во-вторых, искусство, поощряя художников, заказывая им работы, занимаясь тем, что называется благотворительностью, но в масштабах невероятных. Даже Джордж Сорос и то, наверное, при пересчете на деньги ему бы уступил. Кроме того, Козимо – это человек, который спас произведения Платона, которые находились в различных монастырях Европы. Их не переводили на латынь, так как греческого языка почти не знали. Они погибали в этих хранилищах, были неизвестны. Козимо скупил эти рукописи по всей Европе. Он организовал переводы произведений Платона на латынь, позднее на итальянский, он вернул их к жизни. То же самое он сделал с книгами Каббалы, но это мы сейчас не будем обсуждать, чтобы не расширять слишком рамки нашей дискуссии. Козимо Медичи был человеком, который предпринял гигантскую последнюю попытку объединить церкви, православную и католическую. Он обеспечил проведение во Флоренции в течение двух лет Флорентийского Собора, итогом которого была Уния об объединении церквей. Уния не продержалась

и нескольких лет, она была нарушена с обеих сторон. Но если говорить о влиянии (после Великого Новгорода я долго не вспоминал Россию), о влиянии на Россию, то оно было фундаментальным, как любое флорентийское влияние. Потому что там была и московская делегация, состоящая из монахов греческого происхождения, которые вывезли из Флоренции рецепт аквавита, скандинавской водки, настоянной на травах. Этот рецепт и послужил основой для начала производства русской водки. Так что в любом случае дело Козимо не пропало даром.

Теперь я бы перешел к короткому творческому отчету о том, что сейчас делает Флорентийское Общество. А может быть, мы это отложим ближе к концу, потому что это и конкурс для школьников, студентов и аспирантов о Флоренции. Победители поедут во Флоренцию. Это целый комплекс взаимоотношений с Флоренцией, включая отношения с флорентийским университетом, и Торгово-Промышленной Палатой, и «Русским обществом» во Флоренции. Но, чтобы мы не оторвались от темы Медичи и флорина, от темы денег власти и власти денег, от темы олигархов в хорошем смысле этого слова, я думаю, что дискуссию следует продолжить в этом направлении. В процессе разговора свой отчет о поездке во Флоренцию нам представят присутствующие здесь члены московской делегации, которые рецепта водки не вывезли в этот раз. Сзади нас уже «реют» два флага, флорентийский и тосканский, и, кстати говоря, специалисты говорят почему-то не о флорентийской, а о тосканско-флорентийской культуре.

Е. Ю. Гениева

Во-первых, я хочу всех порадовать. Закончен огромный труд, Петр Давидович Баренбойм посмотрел его весь, как ответственный редактор книги «Хождение во Флоренцию». Я очень надеюсь, что в следующий раз, когда мы окажемся в этом замечательном городе, мы сумеем подарить этот труд друг другу и нашим флорентийским коллегам.

Второе, это конкурс творческих работ о Флоренции для детей, о котором мы уже так много говорили. Первоначально программа задумывалась как конкурс сочинений, но фонд предлагает провести ее в жанре дебатов, школьникам и студентам первых курсов будет предоставлена возможность говорить на темы Флоренции, ее истории, культуры, ее значения для России. Если у высокочтимых членов Флорентийского Общества не будет возражений, мы начнем эту программу после 13 января. Она сейчас будет опубликована, информация о ней будет разослана, как предполагается, во все 89 регионов России, и к тому моменту, когда в апреле мы будем подводить ее итоги, она пройдет, по нашим подсчетам, в 10–12 городах нашей страны.

М. Андреев

Лоренцо Великолепный

Род Медичи дал Флоренции, Италии и Европе много заметных имен, среди которых два папы римских (Лев X и Климент VII) и две королевы Франции (Екатерина, жена Генриха II и вдохновительница Варфоломеевской ночи, и Мария, жена Генриха IV). Их первоначальное семейное ремесло, врачи и аптекари, отразилось в родовом имени и гербе (знаменитые медицейские шары – это изображение обыкновенных пилюль), но известности и влияния Медичи достигли, занявшись торговлей и финансовыми операциями. Их участие в политической жизни Флоренции отмечено начиная с середины XIII века, но значительным оно становится только к концу следующего столетия, когда Сильвестро Медичи, избранный гонфалоньером справедливости, возглавил восстание чомпи. Представитель другой ветви рода, Джованни ди Биччи, основал в 1397 году банк Медичи, быстро выдвинувшийся на первые роли не только в Италии, но и во всей Европе. Его сын Козимо не только успешно продолжил дело отца, но и стал в 1434 году некоронованным правителем Флоренции: власть Козимо и его наследники в трех поколениях осуществляли, не обладая никакими титулами, не получая никаких инвеститур и не занимая никаких государственных должностей. На рубеже XV–XVI веков Медичи трижды изгонялись из Флоренции, пока в 1530 году не вернулись с помощью имперских войск к власти окончательно. Алессандро был первым герцогом Флоренции (с 1532 г.) и последним представителем старшей ветви рода – в 1537 году он был убит двоюродным братом Лоренцино (или Лоренцаччо) Медичи (история, давшая сюжет знаменитой трагедии Мюссе), и ему наследовал Козимо, выходец из другой ветви (восходящей к брату Козимо Старшего), первый великий герцог Тосканский, сын прославленного кондотьера Джованни делье Банде Нере. Его потомки правили Тосканой на протяжении двух веков, пока в 1737 году эта династия не угасла и власть не перешла к герцогам Лотарингским. Последним видным политическим деятелем из рода Медичи был Луиджи, в начале XIX века в течение почти двух десятков лет возглавлявший правительство королевства обеих Сицилий.

Среди множества этих имен, существенно важных для истории Италии, два выделяются особо – Козимо Старший и его внук Лоренцо, прозванный Великолепным. Козимо – потому что с ним Медичи впервые пришли к единоличной власти, потому что власть эта осуществлялась невиданным в истории образом (без титулов, званий и должностей, фактически без какого-либо изменения старых республиканских форм), потому, наконец, что этот, выражаясь современным языком, делец, не получивший никакого систематического (ни по старым, ни по новым, гуманистическим меркам) образования, – был наделен поразительным чутьем ко всякой перспективной

культурной инициативе. При нем Флоренция вырвалась в архитектурные лидеры Италии и, следовательно, всей Европы, при нем не испытывали недостатка в заказах Брунеллески и Микелоццо, Донателло и Филиппо Липпи. Но дело не ограничивалось меценатством, скорее то, чем он занимался, можно назвать, опять же впадая в грех терминологической модернизации, целенаправленной политикой в области культуры. Он не только основывал и пополнял библиотеки – он создал своего рода идеальную модель библиотеки, которая легла в основу типового современного книгохранилища. Он не только поддержал молодого Марсилио Фичино – он направил его на тот путь, который привел к созданию прототипа базовой европейской научной институции, академического сообщества.

Еще более разносторонней личностью был Лоренцо. Единственное, в чем он уступал деду, это в таланте финансиста: банк Медичи при нем захирел, филиалы в Лондоне, Брюгге и Авиньоне обанкротились. Как государственный деятель он был, по крайней мере, не ниже: оказавшись у кормила власти неполных двадцати лет, он уверенно провел Флоренцию через внутренние смуты (самая известная из которых – заговор Пацци 1478 году, стоивший жизни Джулиано, его брату и соправителю) и через внешние угрозы (самая опасная из которых – война 1478–1480 годов с папским Римом и Неаполитанским королевством) и добился установления в Италии системы политического равновесия, которая чуть ли не впервые со времен Древнего Рима на значительное время покончила с внутриитальянскими войнами. Для культуры он сделал не меньше деда: существенно пополнил собрания антиков, поддерживал Верроккио и Боттичелли, не стеснялся скромным учеником посещать заседания флорентийской Платоновской академии и почтительно внимать урокам Марсилио Фичино. Но в одном Лоренцо деда, безусловно, опередил: он был поэт, и поэт незаурядный.

Писать стихи Лоренцо начал с младых ногтей и не переставал до конца жизни. Работал чуть ли не во всех тогда известных поэтических жанрах, кроме эпического. Начал с комической поэзии: «Ненча да Барберино» – портрет деревенской красавицы, данный глазами и языком ее поклонника и односельчанина; «Охота на куропаток» – бытовая зарисовка почти в духе фламандской школы; «Пир» – каталог прославленных флорентийских пьяниц, оформленный как пародия на петрарковские «Триумфы». Затем обратился к поискам классической гармонии: в пасторальных картинах «Коринто» и «Аполлона и Пана», в философских размышлениях небольшой поэмы «О высшем благе», в мифологических стилизациях «Амбры». В последние годы не без влияния Савонаролы (отношения с которым у Лоренцо были сложные, но во всяком случае не односторонне враждебные, как их раньше изображали) на первый план вышла религиозная поэзия. И все

время продолжала отделяться и пополняться книга лирических стихов, «Канцоньере». Масштаб дарования Великолепного оценивали по-разному, но никто не оспаривал того факта, что в послепетрарковский период Лоренцо как лирический поэт если кому-то и уступал первенство, то лишь одному Анджело Полициано.

Лоренцо часто вменяли в вину как раз разнообразие его творчества, отсутствие в нем единого центра и общего пафоса. Действительно, трудно себе представить, что один и тот же поэт является создателем исполненных самого традиционного благочестия лауд и ликующей вакхической песни (припев которой, кстати, *Chi vuol esser lieto, sia: Di doman non c'è certezza* относится к числу самых знаменитых поэтических строк, когда-либо сказанных по-итальянски). Общее, на самом деле, есть – в отношении к языку. Лоренцо Медичи начинал писать в то время, которое Бенедетто Кроче не без основания назвал «веком без поэзии»: победоносная экспансия гуманистических вкусов превратила латынь в единственный язык культуры, и даже на творчество трех «флорентийских венцов» стали поглядывать свысока и не без пренебрежения. Принципиальная универсальность гуманистической латыни, не признававшей никакой пространственной и временной конкретики, вполне могла лишить Флоренцию центрального места в языковом и литературном процессе, и тогда все дальнейшее развитие итальянской литературы пошло бы по другому пути. Доказать совместимость гуманистической программы и итальянского, в основе своей тосканского, языка взялся Лоренцо Великолепный, и это его личная инициатива и личный почин – к этому его не подталкивали и не побуждали те, у кого он учился, ни Кристофоро Ландино, ни Марсилио Фичино. Как поэт он всю жизнь этим и занимался: доказывал, что писать обо всем и одинаково красиво можно и должно по-итальянски. Доказал – чему в равной степени способствовал и его поэтический, и его политический авторитет. Вряд ли совершенно случайно то обстоятельство, что старейшая европейская академия, Академия дела Круска, вот уже пять столетий занимающаяся защитой и сохранением итальянского языка, с 1974 года размещается в одном из красивейших дворцов, построенных при Лоренцо – в Палаццо Медичео ди Кастелло.

А. Н. Шохин

Я в первый раз присутствую на заседании Флорентийского Общества и не ездил во Флоренцию в составе делегации. Но в свое оправдание могу сказать, что я только вчера вернулся из Флоренции.

Мне кажется, что одна из проблем состоит в решении вопроса о том, стоит ли нам в рамках наших исследований по изучению флорентийского наследия выходить за рамки города. Безусловно, лучшие свои дости-

жения Флоренция показала именно как город, а не как великое герцогство Тосканское.

Однако будет ли полноценным знание о Флоренции, если мы не посетим, скажем, Монтепульчано, где, как известно, производятся лучшие тосканские вина, которые в свою очередь являются лучшими итальянскими винами? И дело не только в винах. Я видел в Тоскане великолепные средневековые города, во многом похожие на средневековую Флоренцию. В равной степени это касается и других направлений. Например, могущество Флоренции неразрывно связано с Ливорно. Возможно, деревенька Винчи также будет представлять для нас интерес в силу известных причин. Может быть, какие-то другие тосканские города нужно включать в орбиту деятельности общества?

Я, к сожалению, не был подключен к ранним проектам деятельности Флорентийского Общества, и, в порядке приобщения, мне хотелось бы быть проинформированным обо всех направлениях его деятельности, обо всех проектах, с тем, чтобы не предлагать того, что уже делается. Затем я бы с удовольствием включился в работу по конкретным направлениям. Спасибо.

П. Д. Баренбойм

Спасибо. Очень важное замечание, потому что далеко выходить за пределы флорентийской городской черты мы не должны. Нужно иметь в виду, что на довольно узком пятачке во Флоренции сосредоточена пятая часть всех мировых шедевров: живописи, скульптуры, архитектуры. И местные психиатры хорошо знают так называемый «эффект Стендаля», когда блестящий молодой человек, в прошлом наполеоновский офицер, упал в обморок в галерее Уффици, не выдержав обилия впечатлений. У некоторых людей, по сведениям местных психиатров, случаются не только обмороки, но и более серьезные психические расстройства. Поэтому следует выезжать в Тоскану, на природу, но потом обязательно возвращаться к городским истокам.

Есть такой Международный брюссельский банковский клуб, российско-европейский. По нашей инициативе он планирует проведение своего заседания во Флоренции в мае следующего года. Дело в том, что в Тоскане находятся старейшие банки Италии. Там очень интересные банковские традиции. Кстати, власти и Флоренции, и Тосканы с большим энтузиазмом относятся к проведению подобных банковских форумов на своих территориях.

Там есть маленький тихий город Лукка, который так и не поддался Флоренции в течение всей истории. Но сейчас справедливость восторжествовала, он включен в территорию Тосканы, подчиняется Флоренции.

Лукка – город, который известен своими банками, до сих пор функционирующими. Такими тихими, надежными банками. В этом городе только 10 лет назад стал развиваться туристский бизнес. До этого город не поощрял приезд иностранных туристов, несмотря на то, что находится по соседству с Пизой и многими памятниками архитектуры, такими интересными для туристов. Власти Лукки считали, что это вредно для молодежи, для тишины города, в рамках которого развивался банковский бизнес.

Кто хотел бы выступить с отчетом, самоотчетом, прошу только не забывать Медичи и особенно золотой флорин. Федор Михайлович Бурлацкий, Вас я представляю сам.

Ф. М. Бурлацкий

Спасибо большое. Я, прежде всего, хотел бы выразить свое глубокое удовлетворение и признательность членам группы, в составе которой я был во Флоренции. Пожалуй, я никогда не путешествовал с такими высокообразованными, интеллигентными и приятными людьми, хотя во Флоренции был уже многократно.

Моя первая поездка во Флоренцию, в Италию, страшно сказать, была в 1957 году. Я поехал туда в составе делегации партийных функционеров средней руки. Мы огромными, широко раскрытыми глазами смотрели на необыкновенный мир Флоренции, и эта поездка укрепила меня в мысли, которую впоследствии очень точно сформулировал президент Флорентийского Общества Петр Давидович Баренбойм: «Мы живем в эпоху Макиавелли, все еще живем в эпоху Макиавелли». Находясь там, я очень часто размышлял о том, что роднит нас с макиавеллиевским периодом в истории Флоренции и всей Европы.

Я не очень верю в то, что в России в ближайшей перспективе возможно нечто, подобное тому фантастическому взлету культуры, искусства, который произошел во Флоренции. Это дается откуда-то свыше, и я не думаю, что такая благодать падет на наш народ. Но по-прежнему актуальным остается, на мой взгляд, использование флорентийского опыта.

Стоит продолжить размышление о нашей политической действительности не только глазами Макиавелли, а вслед за ним, конечно, и Гвиччардини, и других крупных фигур итальянского Возрождения, но и Томаса Мора, и многих других политических фигур XIII–XIV–XV веков. Этот опыт крайне важен для нас, потому что мы с нашими политическими институтами и нравами ползем, на мой взгляд, как раз по этой эпохе.

Символично, что в политической и духовной жизни Флоренции, как и в современной России, немаловажную роль играли финансовые структуры, например банкирский дом Медичи. В этой связи уместно будет задуматься о нравах в нашем бизнесе.

Макиавелли довольно сурово судил политиков, однако, на мой взгляд, нравы в бизнесе во Флоренции или в Западной Европе даже в те времена стояли на несколько порядков выше, чем в современном российском бизнесе. Это несопоставимо. В то время простое пожатие руки обозначало сделку, никто не убивал соседа только потому, что тот не вернул вовремя долг. Я не знаю, в каком виде можно пропагандировать привнесение каких-то нравственных начал в современное российское предпринимательство, но в целом эта тема мне кажется весьма актуальной.

Ну а всем членам Флорентийского Общества я бы от всей души пожелал хотя бы краткосрочной поездки во Флоренцию с тем, чтобы возобновить в себе флюиды высокого духа. И поверьте, жизнь станет немножко слаще. Спасибо.

А. Н. Шохин

Федор Михайлович, а Вы не идеализируете нравы тех времен? В частности, если взять более раннюю, чем XV век, историю, там и гвельфы с гибеллинами, и изгнание Данте только по принципу партийной принадлежности, и воровство тела Микеланджело, и так далее.

Ф. М. Бурлацкий

Я как раз разделил политические нравы и нравы в сфере бизнеса. Как ни странно, я все-таки настаиваю на том, что нравы в сфере бизнеса были намного чище, если можно говорить вообще о чистоте нравов в подобной сфере, чище и достойней, чем политические дрязги, о которых вы говорите. Ну, может быть, я сужу об этом со стороны и не знаю всего.

П. Д. Баренбойм

Когда мы впервые попали во флорентийскую Синьорию и представились, министр иностранных дел городского правительства внимательно расспрашивал нас о Флорентийском Обществе. У него в кабинете висела огромная картина «Допрос Савонаролы» (вообще, когда мы оказались в кабинете мэра, то убедились, что лучшие произведения искусства можно увидеть именно там).

Так вот, когда министр узнал, что членом нашего общества является судья Конституционного Суда Владимир Григорьевич Ярославцев, который в книге «Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века» написал статью о Савонароле (она называется «Джироламо Савонарола и Никколо Макиавелли. Несостоявшийся диалог»), доверие к нам значительно увеличилось, и мы были приглашены на площадь Синьории под статуей Давида в президиум. Там как раз в этот день праздновали то, что только во Флоренции

и можно праздновать, – годовщину со дня сожжения Савонаролы. Так что благодаря Владимиру Ярославцеву мы попали на это торжество.

В. Г. Ярославцев

Как верно отметил в своем выступлении Федор Михайлович Бурлацкий, мы действительно должны пытаться через призму эпохи Макиавелли и Савонаролы разглядеть приметы нашего времени. Ничто в истории не бывает напрасно, и если общество не извлекает уроков из истории вообще и из истории Флоренции в частности, то мы тогда напрасно, с моей точки зрения, живем, создаем всевозможные институты, партии, проводим всевозможные политические и гуманитарные мероприятия.

Не случайно в моей статье использовался своеобразный литературный прием, он называется «несостоявшийся диалог» между Макиавелли и Савонаролой. Я искренне благодарен Федору Михайловичу Бурлацкому за то, что по его книге познакомился с творчеством Макиавелли. Это было очень давно. Постепенно мое увлечение крепло, и совершенно случайно я узнал, что Макиавелли и Савонарола были современниками, жили рядом, в одном городе. Однако им не довелось повстречаться. Но как интересно видеть, как один и тот же событийный ряд проходит через мироощущение, мировоззрение, на первый взгляд, совершенных антиподов, абсолютно разных людей, объединенных в то же время преданностью Флорентийской республике. И вот как раз этот своеобразный их несостоявшийся диалог подвиг меня к попытке угадать то, что говорится о современности.

Мы видим и синдром послушания, и властную вертикаль, – все то, что живой нитью пронизывает нашу новейшую историю. Не стоит полагать, что это кем-то придумывалось и существовало лишь умозрительно.

Для того чтобы избегать будущих ошибок в управлении государством, нам, безусловно, необходимо учитывать опыт прошлых лет, в данном случае я говорю об опыте Флоренции. Все мы прекрасно понимаем, что управляемой демократии нет и быть не может. Только от нас зависит, чтобы демократия в нашем обществе была подлинной, единственно возможной, чтоб мы действительно жили в обществе XXI века, а не плелись в хвосте событий, повторяя прошлые ошибки. Спасибо.

А. А. Галкин

Я не убежден, что все содержание нашей деятельности следует сводить к попыткам почерпнуть что-то конкретное, практически-политическое из опыта Флоренции XIII–XIV–XV веков. Мы ведь не ставим перед собой задачу по превращению Флорентийского Общества в структуру, занимающуюся исключительно разработкой политической теории либо способ-

ствующую законодательной деятельности Думы и Совета Федерации. Мы – общество, которому интересен феномен культуры, и Флоренция, на мой взгляд, для нас интересна, прежде всего, как феномен культуры, художественный феномен, феномен-загадка.

Ну вот, спрашивается, как это получилось? Один из городов Италии в условиях общего упадка в Европе вдруг становится факелом, по-настоящему, светочем, который освещает своим огнем на протяжении столетий всю европейскую и не только европейскую историю. Можно ли это связывать только с феноменом Медичи при всем том огромном, безусловном влиянии, которое Медичи оказали на развитие Флоренции того периода? А может быть, где-то во Флоренции, где республика возникла еще до Медичи, были заложены какие-то основы, которые уходят своими корнями в более глубокие исторические слои? Стоит покопаться в истории, ведь что-то же определило такое удивительное явление.

В этой связи я вспомнил один эпизод, произошедший со мной много лет тому назад на главной площади Флоренции. Я беседовал с одним из представителей местной интеллигенции и культуры и бросил фразу: «Смотрите, какой интересный кирпич, и как здорово сделана стена!» Он говорит: «Ну, ведь производство кирпича и архитектура – это наше историческое достояние». Я легкомысленно задал вопрос: «Вы имеете в виду итальянцев или тосканцев?» Он ответил: «Не итальянцев и не тосканцев, мы этруски. Мы представители одного из самых древнейших народов Европы. Когда эти дикие римляне ходили еще в волчьих шкурах, у нас была огромная культура, у нас впервые на этом полуострове, а может быть, и в Европе было кирпичное производство. У нас были прекрасные здания – жаль, почти никто в Европе об этом не вспоминает». И я вдруг подумал: действительно, а почему, когда речь идет об Апеннинском полуострове, мы знаем только римскую историю, а как же все остальное?

А. А. Кара-Мурза

Во-первых, я тоже хотел бы поблагодарить организаторов поездки. Я думаю, что наше Флорентийское Общество может выставить сразу несколько первых составов для любого зарубежного представительства. Но тот состав, который ездил, конечно, был блестящий. И, кажется, флорентийцы почувствовали, что мы серьезные партнеры. Свидетельство тому – организация для нас сразу нескольких сугубо эксклюзивных экскурсий. Например, экскурсия в знаменитейший «Коридор Вазари», куда я много раз мечтал попасть (и один раз был очень близок к этому), но так и не попал. Как известно, это коридор, соединяющий два дворца – Палаццо Веккьо и Палаццо Питти. Там расположена самая знаменитая в мире галерея автопортретов великих художников. Когда-то это было туристское место – те-

перь туда простым смертным не попасть. Так вот, вице-мэр Флоренции два часа лично водил нас. Но надо сказать, что мы тоже не ударили лицом в грязь. Вице-мэр все тащил нас к автопортрету Шагала – это была «русская кульминация» экскурсии. А мы, помните, показали ему по дороге автопортрет Ореста Кипренского – мэр не имел представления ни об этом портрете, ни о самом художнике. Он не знал, что Кипренский много работал в Италии, был чрезвычайно знаменит, особенно в Риме и в Неаполе, и что он скончался и похоронен в Риме, и поскольку был католиком в конце жизни, похоронен в очень престижной римской церкви. А для русских художников автопортрет Кипренского в «Коридоре Вазари» был культовым местом. Есть мемуары, что Суриков, Васнецов, Врубель стремились к этому месту как к символу признания русских в Италии, давали там клятву сделать все, чтобы, как и Кипренский, прославить Россию и прославить себя.

Или другая суперэкскурсия – по внутренним апартаментам Палаццо Веккьо, где сейчас находятся рабочие помещения флорентийской Синьории и куда никого, разумеется, не пускают. Нам удалось даже постоять на знаменитейшем балконе Палаццо – абсолютно историческом месте, откуда выступали многие исторические личности – от Савонаролы до Муссолини. Сейчас это место известно по некоторым блокбастерам – например, по фильму «Ганнибал Лектер» с Энтони Хопкинсом в главной роли. Кульминация фильма происходит на этом балконе – попасть туда нельзя было и мечтать.

И конечно, после всего этого задумываешься уже не о том, что для нас может сделать Флоренция, а как нам дальше развивать сотрудничество с флорентийцами. И здесь есть несколько предложений. Во-первых, очень трогательна была встреча с Италиано-российским обществом в их офисе. Это офис, но видно, что это очень обжитое, родное для местных активистов место. И у меня ощущение, что надо подготовить какую-то программу по патронажу этого, в общем, уникального места для Флоренции, для Италии, действительно поддержать этих подвижников, любителей России, которые изучают язык, культивируют русскую культуру. Следует помочь им, может быть, с комплектованием библиотеки.

Во-вторых, переговоры наши показали, что мы сейчас находимся в очень интересной точке возможного сотрудничества русских с Флоренцией. Я имею в виду планы флорентийской Синьории и правительства по санации того района, который раньше принадлежал семейству Демидовых, русскому семейству. Это тоже, в общем, уникальное место для русской колонии во Флоренции, потому что долгое время именно там, в Сан-Донато, была единственная православная церковь, более или менее демократичная, куда приезжали очень многие. И после этого в XX веке эту территорию совершенно трансформировали, там заводы и так далее. Сейчас они со-

бираются санировать эту территорию, превратить ее в культурный центр с некоторыми университетскими кампусами, с новым культурным пространством, и, судя по тому, что нам говорил вице-мэр, они хотят сохранить за этим пространством имя Демидовых. И уже ближайшие годы станут кульминацией этого проекта. Екатерина Юрьевна Гениева обсуждала с ними конкретные вещи, связанные с возможностью контактов. Здесь очевидно, что и мы могли бы помочь, работающие в Академии наук, и представители бизнеса. Это будет большой культурный проект, в котором, на мой взгляд, русские имеют преимущество. Они в ближайшие годы хотят провести какие-то демидовские акции, в которых мы можем принять участие. Кто, как не Флорентийское Общество, может здесь лидировать с российской стороны? Во Флоренции, вы знаете, есть и другие демидовские места. Это Палаццо Никколо Демидов, Палаццо Серристоры, где он жил, и несколько других палаццо в том же районе. Это и его знаменитая усадьба и парк в пригородах Флоренции – в Пратолино.

Теперь несколько слов о культурно-политическом феномене Флоренции, о чем здесь многие говорили. Мировое значение флорентийской культуры бесспорно, а вот что касается финансово-политической стороны дела, тут не стал бы, например, фетишизировать уровень демократичности флорентийской коммуны или какую-то уникальную предпринимательскую этику. Там всякое бывало: постоянные войны, заговоры, изо щренное коварство власти и пр. Конечно, миф о предпринимательско-политической уникальности Флоренции – это полезный миф, как был полезен для всей Европы нового и новейшего времени миф об уникальности афинской демократии и о полисной демократии вообще. В истории это был очень сложный феномен, и чем все это кончилось для греческих полисов, тоже известно. И последнее. Александр Николаевич Шохин затронул вопрос, где кончаются концентрические круги нашего интереса к Флоренции и к державе Медичи – к Великому герцогству Тосканскому. Был назван город Ливорно, главный порт Тосканы. Это, кстати, один из центров пребывания русских в Италии. По одной простой причине. Это было, конечно транзитное место для русских, но очень важно, что там была действующая греческая православная церковь, которая сохранилась. Я ее видел в сентябре – это, безусловно, священное место для очень многих русских. Туда, например, специально приезжали из Рима. В Риме долгое время существовали лишь домовые церкви при русских представительствах. А вот место, которое многократно описано в русской мемуарной литературе, в письмах и так далее, это греческая православная церковь в Ливорно. Ну и, кроме того, конечно, уникальные тосканские места – и Лукка, и Пиза, и Сьена, и Сан-Джеминьяно. Я добавлю сюда, может быть, к «этрусской теме», и Фьезоле. Это тосканские места, которые тоже могли бы быть объектом нашего внимания, коль скоро

речь идет не только о флорентийской коммуне, но и о государстве Медичи, о феномене Великого герцогства Тосканского. Спасибо.

П. Д. Баренбойм

Вообще, конечно, хорошо быть выходцем из хорошей семьи. Это можно сказать, и вспоминая Медичи, и говоря о семействе Кара-Мурзы. Потому что в книге «Хождение во Флоренцию» фигурируют два Кара-Мурзы.

Я все-таки рискну поспорить, сказав, что деловая и политическая эстетика флорентийского государства это все-таки не миф, и не миф ни Козимо Медичи, ни Лоренцо. Если Лоренцо после десяти лет правления в один день повесил 50 человек, так это когда его брата зарезали в церкви. Уж извините, другого выхода, наверное, не было, когда Римский Папа послал легатов, и вместе с семейством Пацци они устроили резню в церкви и зарезали любимого брата Лоренцо, Джулиано. А что, Вы думаете, спасло самого Лоренцо? Физическая сила? Он отличался необыкновенной физической силой, был победителем всех рыцарских турниров на площади Санта-Кроче. Нет, его спасла приверженность к философии, потому что представители Платоновской академии прикрыли его своей грудью от кинжалов убийц. Так что все это не миф семейства Медичи, особенно Козимо и Лоренцо. И я думаю, что мы, когда отмечаем 600 лет прихода Джованни к государственной власти, имеем для этого основания.

Е. Ю. Гениева

Я очень хочу продолжить то, о чем говорил Алексей Кара-Мурза. После каждой такой вот поездки, во всяком случае, у меня возникают неизбежные обязательства. Церковь (я не о церкви в Ливорно, я о той русской православной церкви, где находятся знаменитые деревянные двери, купленные Демидовым, и которая на следующий год, в сентябре, будет отмечать свое столетие), – замечательная, красивая маленькая церковь, все изразцы которой сделаны, естественно, во Флоренции, что вызывает какие-то особые ностальгические ощущения, потому что они похожи на наши изразцы.

А. И. Комеч

Передо мной все говорили о любви к Флоренции, и я не хочу нарушать эту традицию. Однако разговоры о торжестве гуманизма, правде, справедливости рисуют нам все-таки мир идеализированный и не очень похожий на сложную, драматическую и часто жестокую картину жизни города в XV веке. Даже слово «гуманизм» понималось в ту эпоху иначе, чем сейчас. Когдаходишь в капеллу Медичи и погружаешься в атмосферу этого искусства, то в ней не слишком много от торжества справедливости,

оптимистической веры в право и демократию. Это искусство высокого элитарного духа и трагизма, и стихи самого Микеланджело – «мне любо спать, а пуще быть скалой, когда царят позор и преступленья» – свидетельствуют об этом с безусловностью.

Мифы нашего времени часто искажают действительность в двух направлениях. Одно связано с наивным представлением о розовом моральном совершенстве. Но этот же век дал множество примеров и героизма, верности, и цинизма, предательства. С другой стороны, распространено суждение о прямой связи стремления к большему визуальному реализму художественного языка эпохи с отходом от духовных ценностей христианской религии. Но и это наивно, глубокая вера светится в произведениях многих художников, и тот же Микеланджело – одна из самых глубоких подобных фигур эпохи. Не надо забывать, что это была эпоха жестоких и глубочайших столкновений духовных интересов, эпоха религиозных войн.

Но было качество человеческой индивидуальности, на котором держался и гуманистический пафос времени, и высокое понятие о справедливости. И оно было сущностным для эпохи и новым в отношении к прошлому. Оно воплощалось в понятии доблести – *Virtu*. В нем соединялись необыкновенная энергия и предприимчивость, вера в свои силы и чувство собственного достоинства, чести. И это качество было проявлением индивидуальным, мощным, подчас суровым и резким. Оно рождало героев и гениев. Нам сумасшедшим образом не хватает людей такой ответственности, силы, энергии, увлеченности своим делом.

Флорентийцы, в целом, люди отчетливые, деловые, лишённые венецианского *délce far niente*. Флоренция – каменный город, и воздух Тосканы ясен и прозрачен. Высокое интеллектуальное напряжение эпохи цивилизовало энергию нового класса, открыло для него искусство – и поток инвестиций в эту сферу вместе с поклонением общества прекрасному породил поколения художников-новаторов.

Я очень сожалею, что за потоком дел и обычных забот приезжающие во Флоренцию обычно не видят большей части того прекрасного, что наполняет ее улицы, церкви, дворцы. Высказанная здесь идея создания CD, могущего для многих раскрыть художественные богатства города, кажется мне очень привлекательной. Я был бы счастлив, если бы все члены Флорентийского Общества, сидящие за этим столом, прошли улочки и переулки Флоренции, заглянули в ее дворики, дворцы, церкви.

Общение с Флоренцией полезно и в некоторых конкретных отношениях. Во время нашего последнего пребывания в городе я спросил Александра Николаевича Крутова, как он провел утро. Услышав, что он гулял на южном берегу Арно, и помня, что он первый раз во Флоренции, я сказал ему, что большая часть шедевров искусства находится на северном берегу.

Он меня привел в восторг своим ответом: «Дело не только в шедеврах, есть еще и очарование исторической среды». Это замечательное высказывание для человека, который живет в Москве, где историческая среда изгоняется из города необыкновенно интенсивно и практически ежедневно. Примеров тому масса, последние украшения – высотка на площади Павелецкого вокзала или здание в начале Арбата, напротив ресторана «Прага». Может быть, научимся ценить среду в Москве, и хоть где-то она уцелеет.

Чувство малой родины, духовной особенности и идентичности сохраняют и люди, в ней выросшие. Мы были с Екатериной Юрьевной Гениевой в Фонде Ромуальдо дель Бьянко во Флоренции. Они проводят ежегодно до 70 международных недельных семинаров, всячески поощряя все связанное с городом и Тосканой, содействуя духовному развитию и становлению молодежи. Они готовы принять нашу молодежь, рассмотреть наши темы. Они, кстати, выпустили небольшой альбом, посвященный русским во Флоренции. Я думаю, что конкретные дела явились бы наиболее важной формой деятельности Флорентийского Общества. Я полностью согласен с необходимостью поддержки Русского общества во Флоренции. Пребывание великих русских – Демидова, Чайковского и других – это замечательный повод нашего присутствия и соучастия. Я, например, с душевной болью увидел удручающее состояние мрамора на фасадах Баптистерия, знаменитого Сан-Джованни. Но им итальянцы займутся, видимо, сами. А вот визуализация пребывания русских во Флоренции могла бы стать нашей заботой. И если сохранилась гостиница, где Чайковский написал «Пиковую даму», то на ней надо установить мемориальную доску. У нас есть в составе общества замечательные специалисты-историки, я имею в виду, прежде всего, Алексея Алексеевича Кара-Мурзу, и мы могли бы составить конкретную программу действий.

К. М. Долгов

Сегодня я первый раз пришел на заседание Флорентийского Общества. Я думаю, это замечательно, что подобное общество существует, а состав его впечатляет любого, кто имеет возможность с ним познакомиться.

Прежде всего, мне хотелось бы сказать пару слов о том, что, с моей точки зрения, мы можем сделать для Флоренции или для укрепления наших отношений с ней. Благодаря институту «Открытое общество» я работал целый месяц в архивах Флоренции и искал там неопубликованные письма, неопубликованные донесения Макиавелли. Я нашел более 50 документов, которые не были напечатаны даже в Италии, и занялся их расшифровкой. Но это далеко не все наследие Макиавелли, потому что он написал более 4000 писем, и из них опубликовано, может быть, 4/5. То же самое можно сказать о Гвиччардини и о Лоренцо Великолепном, хотя итальянцы уже из-

дали много томов его писем. Насколько я знаю, у нас пока нет этих переводов. Я думаю, что в рамках Флорентийского Общества нам стоит каким-то образом способствовать тому, чтобы наследие корифеев итальянской культуры переводилось на русский язык и действительно стало достоянием нашего народа, нашего общества. На мой взгляд, это очень поучительно.

Личность Макиавелли всегда воспринималась и воспринимается неоднозначно. Но, говоря о том, что Макиавелли является в какой-то степени основоположником современной политики, не следует забывать, что, в первую очередь, Макиавелли можно назвать основоположником современной дипломатии. Все его политические идеи сформировались в то время, когда он был на дипломатической службе. А был он на ней 14, почти 15 лет. За это время он написал огромное количество дипломатических посланий, где были сформулированы, в основном, все принципы, на которых зиждется современная политика.

К сожалению, в России практически нет опубликованных дипломатических посланий Макиавелли, и, мне кажется, Флорентийское Общество могло бы способствовать их переводу и изданию. То же самое можно сделать по целому ряду других мыслителей Италии. И прежде всего тех мыслителей, которые жили во Флоренции. Поверьте, это огромное богатство.

Наша дипломатия сейчас переживает трудное время. Если бы нам удалось опубликовать труды Макиавелли, Гвиччардини, всю эту переписку, для наших дипломатов это было бы просто открытие. Ведь во времена Макиавелли дипломатия во Флоренции переживала колоссальный расцвет, и искусство ведения переговоров было там на самом высоком уровне. И вот если бы нам удалось что-то сделать для опубликования архивов того времени, я думаю, что российские, да и не только российские, дипломаты сказали бы нам за это огромное спасибо.

Ф. М. Бурлацкий

Мне бы хотелось сказать пару слов о нашем Флорентийском Обществе и об отдельных его представителях, что я сейчас и сделаю с большим удовольствием. Вот, например, Константин Михайлович Долгов, с моей точки зрения, человек уникального духа. Он, еще будучи советским министром, удивил меня своим глубоким интересом к работам Макиавелли. Советский министр, который интересуется такими вещами, это просто поразительно. Он опубликовал целый ряд очень интересных вещей. Так что мы двигались параллельно. Я чуть раньше начал свои исследования, он чуть позже, потому что я постарше. Но интерес к Макиавелли шел все-таки от нашей советской, русской действительности.

Сейчас Константин Михайлович Долгов продолжает свои работы, связанные с Флоренцией, и, как видите, заинтересовался возможностью

опубликования произведений, которые не изданы в самой Флоренции. Его интерес к работам Макиавелли в дипломатической сфере не случаен, поскольку в настоящий момент Константин Михайлович, по моим сведениям, заведует кафедрой в Дипломатической академии.

Вообще, мне кажется, что на заседания Флорентийского Общества всякий раз собираются очень интересные люди. И независимо от того, какие практические выводы следуют из всего сказанного в ходе наших обсуждений, уже само общение, на мой взгляд, приносит огромную пользу. Очень приятно чувствовать себя среди людей, которые увлечены тематикой Флоренции, которые обмениваются мнениями свободно, по-человечески, безо всякого стремления обнаружить свои лучшие качества. Это, собственно, еще пушкинская традиция. Сама игра интересна, потому что игра – это и есть жизнь. И наша встреча – это часть такой игры, независимо от того, как много практического мы сделаем. Тут не надо переоценивать себя и не надо надрываться, мне кажется. Потому что сделать следует очень много, и каждый индивидуально делает свое дело, но все вместе мы можем сделать намного больше.

Но, как я уже сказал, само общение для меня имеет колоссальную ценность. Мне кажется, больше всего следует ценить тот особый дух Флоренции, который витает на наших собраниях. Через формирование этого духа на основе взаимности, на основе общения, на основе великих идей, которым мы поклоняемся, можно оказывать какое-то влияние на современность.

П. Д. Баренбойм

Спасибо. Вы высказали очень мудрую мысль о том, что не нужно надрываться.

Г. П. Падва

Федор Михайлович Бурлацкий напомнил мне многое связанное с Флоренцией, когда говорил о приятности общения. Когда я много лет тому назад в качестве частного лица (тогда еще не было Флорентийского Общества) попал во Флоренцию, меня там тоже принимал вице-мэр. Он пригласил меня на обед, угощал отменным вином и беседовал со мной. Он сказал, что счастлив встретиться с русским юристом и что у него ко мне много очень интересных, важных вопросов. «Вот скажите, – спросил он, – как вы относитесь к смертной казни?» Я открыл рот, а он продолжал: «Я отношусь к этому вопросу так...» И минут 15 рассказывал мне о том, что смертная казнь не должна существовать нигде, в том числе и в России. После этого он сразу спросил мое мнение о суде присяжных и дальше еще минут 15 рассказывал мне о своей позиции. Мы пообедали, а я так и не успел

вставить ни слова. А на следующий день мне сказали, что вице-мэр был в полном восторге от общения с российским юристом, потому что он давно не имел такого приятного и умного собеседника. Я думаю, что если наши с вами беседы будут проходить по примеру этого моего флорентийского знакомого, то это будет замечательно. Это к вопросу о приятности общения.

Кроме того, я должен вам признаться, что в свое время как истый советский человек, не читая Макиавелли, относился к нему крайне отрицательно. Но совершенно по другой, не советской, а по тайной, диссидентской причине.

Дело в том, что я где-то когда-то прочел, что томик Макиавелли был настольной книгой Иосифа Виссарионовича Сталина. И с тех пор до того, как я познакомился с трудами Федора Михайловича Бурлацкого и самого Макиавелли, я был уверен, что все те мерзости, которые творились в нашей стране, произошли от Макиавелли. Я очень благодарен судьбе, что все-таки сумел познакомиться с тем, что писал сам автор. А затем, благодаря вступлению во Флорентийское Общество, стал более глубоко изучать труды Макиавелли, и должен признаться, что я очень сильно заблуждался. Не все мерзости, которые встречались в нашей стране, были связаны с именем Макиавелли. Благодарю вас.

А. В. Захаров

Надо сказать, что сегодня очень оптимистичное заседание. Во-первых, благодаря Ф.М. Бурлацкому мы открыли и утвердили один из новых принципов Флорентийского Общества. Принцип называется «не надрываться». Я думаю, это должно войти в устав нашего общества. Во-вторых, сегодняшнее наше заседание вновь подтвердило, что мы продолжаем жить в эпоху Макиавелли, и, значит, связи Общества с Флоренцией развиваются и крепнут. В-третьих, мне хотелось бы отметить существование известного утверждения, которое, насколько мне известно, еще ни один из адвокатов не опроверг, что все дороги ведут в Рим. Так вот, сегодня, по итогам нашего обсуждения, мы можем сказать, что многие дороги ведут во Флоренцию.

Флоренция вообще интересна с разных сторон. И я бы, например, выделил четыре момента: мир флорентийских ценностей, Флоренция как экономическое хозяйство, Флоренция как мир идей и Флоренция как мир высокого искусства. Сегодня мелькали такие термины и фразы, как институционный процесс, цеховая культура, то, о чем сейчас так много говорится в контексте корпоративной культуры.

Золотой флорин... Если посмотреть на Флоренцию с этой стороны, то она представляет для нас огромный интерес как пример весьма значимого экономического успеха, который перерос в совершенно потрясающий духовно-эстетический прорыв. Не так много, наверное, в истории совре-

менной и не современной мы найдем таких примеров, когда сначала возникла цеховая культура, цеха ремесленников, институты самоуправления, и это сопровождалось таким гуманитарным подъемом...

Даже если говорить вскользь, мир флорентийских ценностей очень гармоничен и противоречив одновременно. С одной стороны, отмена смертной казни, а с другой стороны, как это сегодня звучало, – флорентийское рукопожатие.

Когда мы были в одной из наших поездок в Синьории, в Палаццо Веккьо, нам показали кабинет герцога Франческо Медичи, куда он водил для последнего разговора своих оппонентов. У Медичи был на руке перстень с шипом, пропитанным ядом. Смысл флорентийского рукопожатия в данном случае сводился к тому, что Медичи было достаточно лишь одного пожатия руки, чтобы его оппонент отправился в мир иной.

В соответствии с уставом, очень строгим уставом Флорентийского Общества, каждый его член обязан словом и делом пропагандировать высокие идеалы Флоренции и исповедующего их Флорентийского Общества. Так вот, я хотел бы доложить к вопросу о цехах и самоуправляемых организациях. Не далее как сегодня в Государственной Думе были слушания по законопроекту, только не о самоуправляемых, а о саморегулируемых организациях. И ваш покорный слуга, как член Флорентийского Общества, в качестве примера прототипа, прообраза, привел именно цеха Флоренции. Потому что, как известно, цеха стали бурно создаваться в Италии в IX–X веках.

Однако очень интересный пример дает именно Флоренция, когда в XII веке она становится серьезной самоорганизующей силой, подчас и политического свойства. Известно, что к концу XII века Флоренция в составе 21 цеха пришла в городское самоуправление. Таким образом, законодательное оформление институтов самоуправления имеет уже исторический прообраз, в том числе во Флоренции.

Когда мы обсуждаем возможность принятия подобного закона, мы говорим о том, что предприниматели должны объединиться по своим профессиональным интересам, отдать часть своих полномочий саморегулируемым организациям, то есть позволить им вырабатывать стандарты профессиональной и иной этики, а за это цеха (в нашем историческом контексте – саморегулируемые организации) будут защищать профессиональные объединения перед государством. Флоренция – живой пример этому. Вот что, на мой взгляд, имеется в виду, когда мы говорим о том, что живем в эпоху Макиавелли. Таким образом, сегодня в стенах Государственной Думы прозвучала пропаганда идей Флорентийского Общества.

Мне кажется, нам, всем вместе, предстоит длительное, бесконечное путешествие в мир Флоренции. Если рассматривать Флоренцию как

мир идей, то в основном это будут идеи платоновского или, в крайнем случае, неоплатоновского свойства. Когда я смотрю на купол работы Брунеллески и облака, которые его окружают, мне кажется, в них парят эйдосы Платона, эйдосы прекрасного.

Почему концентрация высокого, красивого и культурного, как бы мы сказали, во Флоренции столь велика? Об этом сегодня говорил президент Флорентийского Общества. Потому что увлечение платоновскими и даже неоплатоновскими идеями привело к очень большой концентрации мира эйдосов, который содержит и эйдосов эстетики и прекрасного, которые, как бы сказали философы, эманлируя, преосуществляются или преосуществились в произведении самого высокого искусства, которое до сих пор, как купол Брунеллески, радует, удивляет и увлекает нас всех. Поэтому путешествие по миру Флоренции продолжается. Видите, сколько дорог ведет во Флоренцию! Я их только четыре обозначил, но их гораздо больше.

ГОСУДАРСТВО КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

Заседание
Московско-Петербургского философского клуба
и Флорентийского Общества
в Институте философии РАН

14 апреля 2010 года

А. А. Гусейнов

Государство как произведение искусства – тема неожиданная, необычная, в этом сила и слабость этой темы. У нас сейчас сложилась такая ситуация, когда ни в нашей политологии, ни в нашей философии, ни в нашей юридической науке, насколько я понимаю, нет какого-то устоявшегося представления о том, что такое государство. В рамках нашей политологии и политической мысли тема государства сведена на какой-то маргинальный уровень. А ведь традиционно государство было концентрированным, высшим воплощением политики.

Если говорить о государстве как произведении искусства, что, прежде всего, должно иметься в виду? С одной стороны, эстетическое оформление государства, парадность, ритуальность – одним словом, все, что связано с дизайном пространства государства.

С другой стороны, то место, которое отведено культуре и искусству в государственных приоритетах. Этот аспект темы уходит своими корнями как раз в Ренессанс, во времена расцвета итальянских государств.

Но мне кажется, эту тему – государство как произведение искусства – можно понимать не только в том смысле, что государство, как и всякое иное явление, имеет свой эстетический аспект. И оно может быть осмыслено с эстетической точки зрения. Государство, на мой взгляд, может быть понято и в прямом значении – государство как произведение искусства, как, скажем, роман Толстого «Война и мир» или опера Чайковского «Евгений Онегин». Такой подход может пролить некий новый свет на понимание государства.

Эстетическое как срез реальности есть единство смысла и чувственной конкретности. В этом случае предметы берутся в их самоценности, их рассмотрение соответствует их собственной мере. Если хотите, когда смысл вещи не отрывается от самой вещи, в отличие от других форм культуры. Наука отрывает смысл вещи от самой вещи, который задается в форме каких-то упорядоченностей, законов и так далее. Мораль отрывает смысл вещи от самой вещи тем, что задает некие обязательные правила поведения. Даже религия отрывает вещь от самой себя тем, что помещает эту вещь в какую-то другую реальность, где эта вещь уже не является причиной самой себя. Искусство тем и отличается, что оно рассматривает вещь не в какой-то пассивной или страдательной перспективе. Здесь предметы утверждаются в их уникальности, индивидуальности и самодостаточности.

На самом деле государство – это всегда определенная общность людей. И вне ее государство не существует. Что это за общность? Здесь наиболее ясно высказался Аристотель. Исходным пунктом его рассуждения, поскольку у него политика вырастает из этики, является человек, который стремится к некоему совершенству. Он стремится к добродетельно-счастливому существованию.

Рассуждая далее, Аристотель приходит к выводу, что для добродетельной счастливой жизни нужен досуг, нужно свободное время, чтобы человек был свободен от тягот жизни, от всего того, что задается и предписывается ему природной и социальной необходимостью – забота о пропитании, семье, собственной безопасности и т. д. Одним словом, он должен иметь досуг.

Досуг – это пространство эвдемонии, или пространство человеческого счастья, говорит Аристотель. В нем человек может реализовать свое стремление быть совершенным, наполнить свою жизнь тем смыслом, который он, как разумное существо, находит наилучшим. Это пространство находится по ту сторону экономики, по ту сторону семьи, по ту сторону всех потребностей.

Аристотель задается вопросом – хорошо, попал человек в это пространство, и что он там находит? Ничего, кроме таких же индивидов, как он, озабоченных тем же, что и он, – желанием или стремлением к лучшему, к совершенному, к бессмертию. И между ними устанавливается общение, в ходе которого и возникает то, что Аристотель называет политическим общением. Возникает полис, возникает государство. Вот где исток и тайна государства. Это – свободное общение индивидов, или общение индивидов, поскольку они свободны, общение индивидов в той мере и поскольку они стремятся к высшему благу. Это общение, в ходе которого индивидуальное стремление каждого из них к высшему благу становится общим благом всех. Общее благо всех оказывается тем солнцем, вокруг которого все объединены, но, в отличие от солнца, которое видят все, это мысленно заданное и невидимое солнце их совместного существования.

Итак, согласно Аристотелю, политика – это публичное пространство, внутри которого люди и ведут разговоры, совершают поступки, которые имеют определенную нацеленность – на высшее благо. Потом появляется справедливость как принципиально новый способ организации отношений между людьми в рамках этого пространства, в отличие от того, как эти отношения задаются, скажем, социальной необходимостью, где обязательно должна быть иерархия, насилие и так далее. Здесь принципиально другая ситуация, связанная с тем, что мы обобщаем в понятии справедливости ее назначение быть цементирующим основанием этого публичного пространства.

Почему же государство есть произведение искусства? Да просто потому, что из такого подхода вытекает, что государство – это то, что создают граждане в процессе своего общения, когда они общаются ради прекрасной цели и в формах прекрасной деятельности. Это означает, что нет каких-то изначально данных канонов, что государство не является экземпляром какой-то серии, частным случаем каких-то законов. Оно есть изначально, прекрасная в себе реальность в том виде, в каком ее люди создают. И при таком понимании государство, конечно, есть произведение искусства. Граждане в их совместной деятельности творят и создают то, что отдельный художник создает своим индивидуальным творчеством, когда он пишет роман, рисует картину и так далее.

Излишне говорить, что такое понимание государства, конечно, имеет огромные следствия, в том числе, достаточно важные и актуальные и для нашего российского государства, для его демократического строительства.

Но здесь возникает вопрос, является ли наше государство, как оно представлено, союзом граждан, и где эти граждане.

П. Д. Баренбойм

«Государство как произведение искусства» как тема и концепция вытекает из вопроса соотношения государства и культуры. Политологи, философы и, тем более, юристы, как мне кажется, привыкли несколько снисходительно относиться к идеям представителей художественной литературы и искусства, например, о природе того же государства. Поэт Евгений Евтушенко написал: «Плохой вкус – это рычаг политики... Плохой вкус – это наша национальная проблема... Когда политика, ведущая себя, как путана, напяливает подвенечное платье, плохой вкус не делает ее девушкой... Употребление блатного лексикона, чтобы «стать ближе к народу», – это плохой вкус... Считать войну до победного конца единственным выходом, даже если война бесконечна, – это плохой вкус... Да и сам наш парламент – это выставка вопиюще плохого вкуса некоторых избирателей... Считать, что спасение России лишь в устаревших системах, скомпрометированных историей, – в монархии, в капитализме, в тоталитарной версии социализма, не предлагая ничего нового, – это плохой вкус». Строки из книги «Памятники не эмигрируют» (2005) заслуживают цитирования, хотя их автор, на мой взгляд, не может считаться мыслителем уровня Бродского, провозгласившего в своей Нобелевской лекции необходимость развития эстетической концепции государственности в качестве противовеса современному государству. Мандельштам в трех стихотворениях 1933 года («Мы живем, под собою не чуя страны...», «Квартира тиха, как бумага...» и, конечно, «Власть отвратительна, как руки брадобрея...») лучше выразил суть сталинской государственности, чем тысячи (в основном последующих) томов философских, исторических и юридических исследований. Именно о нем (сознательно) и Бродском (невольно) очень удачно сказал Евтушенко:

*...Немыслим профессионал-пророк.
Бессмертны лишь герои-дилетанты,
Неловкие с эпохой дуэлянты,
Не знающие, как нажать курок.*

Можем вспомнить умевшего нажимать на курок охотника и бойца Эдуарда Багрицкого, который посмел при жизни писать и печатать, что

«зеленое сукно на столе вождя как болото всасывает в себя карандаши и пресс-папье», чтобы в другом стихотворении уже продолжить образ:

*Стол раскидывался как страна,
В крови и чернилах квадрат сукна,
Ржавчина перьев, бумаги клочок –
Всё друга и недруга стерегло...
Их нежные кости сосала грязь.
Над ними захлопывались рвы.
И подпись на приговоре вилась
Струей из простреленной головы.*

Правда, он умер раньше 1937 года, который пережить у него шансов не было, но ведь печатал в цензурных условиях, и его, в отличие от литературных критиков XXI века, понимали некоторые его современники. У культуры, как мы видим, в любых условиях прорывается врожденная функция одергивания зарвавшегося государства, но также придания смысла и содержания его существованию, если мы, конечно, заговорим о конституционном правовом государстве.

Недавно скончавшийся великий сербский писатель Милорад Павич писал, что государство может иметь родословную, а может быть и выскочкой, может быть дешевой проституткой или дорогой женщиной, может быть хорошо или плохо одето, может предать свой род. Далее он пишет: «Государство приходит в упадок, если в нем хорошо живут те, кто его разрушает, и плохо живут те, кто его укрепляет... Должен признаться, что мне было довольно неуютно в государстве, созданном нашими отцами, боровшимися за светлое будущее, я никогда не чувствовал себя в нем хорошо. Потому что государство отцы кроили не по моим, а по своим меркам, они создавали его не для потомков, не для детей, не для нас, а только для себя». Павича еще в XX столетии критики заслуженно называли «первым писателем XXI века». И он, по сути, выразил то, что должны чувствовать современные молодые люди в России по отношению к нашему более старшему поколению.

Боюсь, что не все мы, родившиеся до, скажем, 1970 года, осознаем, что государство под названием Россия (официально СССР) благополучно (то есть почти без крови) исчезло с лица Земли, а в новом, ранее никогда географически и геополитически не существовавшем, государстве тоже под названием Россия мы не более чем не очень понятные пришельцы из советского прошлого. Мы люди, потерявшие свое государство, а значит, и не обладающие каким-либо авторитетом перед лицом его нынешних граждан, тем более что мы продолжаем мыслить старыми категориями: кто в

масштабе СССР, кто – Московской Руси. Подлинные же хозяева современной России – люди, родившиеся в ней, и, пожалуй, те, кто не успел в СССР присягнуть Ленину и партии даже в качестве пионера, то есть родившиеся не раньше 1983 года. Они другого государства, кроме нынешнего, не знают. Кроме того, они все больше отдаляются от нас на волне современной технологической революции. Между сегодняшними и постсоветскими россиянами не просто разрыв поколений, а разрыв стран и среды обитания. Если старшее поколение и сейчас, когда Россия географически отброшена от Европы на тысячи километров, все еще продолжает говорить об окнах и форточках в Европу, то наша молодежь не нуждается даже в двери, так как просто не видит никакой стены.

Возможность съездить дешевым туром пока не лимитирована, а при желании, настойчивости и знании языка каждый из них может надеяться прорваться по грантам на учебу, а без грантов и на работу. Скоро любой референдум, выборы, опрос об отношении к любому законопроекту можно будет проводить в 12 часов московского времени одновременно по всей стране с использованием компьютеров и мобильных телефонов с контролем, предотвращающим подтасовку результатов. Думаю, через несколько лет они просто разгонят всю политическую элиту, играющую с ними сейчас в комсомольские поддавки типа «наши – ваши», а заодно и научную элиту, если та не предложит идеи, соответствующие задачам XXI столетия.

Я так прямо говорю об этом сейчас в здании Института Философии Российской академии наук потому, что организатор нашей дискуссии, самый мудрый человек России и по должности, и по существу, Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов так сильно поставил вопрос о современном звучании идей Якоба Буркхардта для современной России, что к этому уже нельзя не прислушаться. За такие идеи молодежь будет только благодарна старшему поколению. Думаю, публикация нашей дискуссии внесет положительный перелом в изучение философско-правовой проблемы формирования новой конституционной модели правового государства в России XXI века. Такая модель поможет становлению страны и, в конечном счете, может стать образцом для многих других государств.

Для Буркхардта, как я понял, главным было обратить внимание на выдвинутую (хотя и не сформулированную) самим временем Ренессанса концепцию государства как произведения искусства. То государство, которое делает культуру одним из главных приоритетов, в его понимании подходит под такую категорию.

Николай Рерих, которого все знают как художника, а многие знают его и по другим каким-то увлечениям, в том числе по политической деятельности невероятного направления, оказался еще и теоретиком государственоведения, теоретиком государства как произведения искусства. Он

продолжил мысль Буркхардта о приоритете культуры в государстве и мысль Достоевского о том, что красота спасет мир, оформив их в конкретные юридические формы.

Пакт Рериха есть набор идей, каким должно быть государство и каким должен быть путь к тому, чтобы государство стало производением искусства. По Рериху, это такое государство, в котором доминантой является культура. Кажется, утопическая мысль, очень абстрактная, легко может быть оспорена с таких же абстрактных позиций. Но Рерих с этой наивной формулой покорила половину земного шара, то есть почти половину независимых государств того времени. Он не только добился от них поддержки этой идеи, но и подвиг их к подписанию конкретного юридического документа – Пакта Рериха, значимость которого до сих пор еще не осознана, а идеи не воплощены в жизнь. Завтра будет как раз 75-летие, когда в кабинете Франклина Рузвельта, в Овальном офисе в Белом доме 21 государство подписало Пакт Рериха.

В чем суть этого короткого документа? Рерих быстро убедился после Первой мировой войны, что ничего сделать нельзя с ростом уровня насилия и агрессии, который существует в мире. Поэтому он добивался обуздания военной силы, запрета для военных разрушать произведения культуры и науки, в том числе и университеты, которые оказывались под защитой Пакта Рериха. Он выдвинул простую и – я еще раз говорю – наивную мысль, чтобы запретить уничтожать произведения искусства в ходе войн. Был принят документ о приоритете культуры над военной необходимостью. Советский Союз, надо сказать, приглашенный к участию в этом Пакте, замалчивал его и не подписывал. Сразу после войны появилась Гаагская Конвенция ООН, где идеи Пакта Рериха и сам Пакт упоминаются в тексте Конвенции, но его главная мысль была перевернута: военная необходимость была поставлена первой, а затем уже шла речь о защите культурных объектов.

В соответствии с этой конвенцией каждая страна должна представить список своих культурных объектов, которые, после регистрации их в ООН, подлежат защите в случае военных действий. И Советский Союз, и нынешняя Россия до настоящего времени не подали список своих культурных объектов в соответствии с этой конвенцией для защиты от войны. Скажу специально для наших гостей из Санкт-Петербурга, что сейчас юридически защищает город от военного удара нахождение под охраной ЮНЕСКО, потому что он имеет особый статус, единственный в России. Кстати, продолжение строительства небоскреба Газпрома приведет к тому, что вскоре защита ЮНЕСКО будет снята.

Государство как произведение искусства – это то государство, в котором поощряется творчество; которое верит в идеалы. Что касается Пакта

Рериха, у нас среди юристов почти никто не знает о существовании этого документа. Поэтому мне кажется, что государство как произведение искусства – это государство, где ценятся идеи Пакта Рериха.

А. А. Гусейнов

Можно так сказать, что государство – это пространство, где процветают свободные занятия. Правильно? Свободные занятия – искусство, культура, философия...

В. М. Межуев

Я сторонник не сакрализации государства, ни его эстетизации, а его рационализации. Потому что эстетизация государства – это есть своеобразный вид его сакрализации.

Теория государства, которая была разработана Аристотелем и Платоном в какой-то степени, Платон просто больше преимущества отдавал не политикам, а философам, это была теория для избранных. Это была теория свободного пространства, но только предназначенного для граждан, для эллинов, и то не для всех, а для афинских эллинов. Эллины были свободнорожденными, а все остальные – варвары, и их судьба – быть рабами.

Только возникает вопрос – а кто их кормить будет? Кто будет заниматься производством? Кто будет заниматься созданием тех жизненных благ, без которых слишком много философией не позанимаешься? Здесь возникает другая проблема – государство должно определиться в отношении этих вопросов. Ну хорошо, оно будет вольным сообществом философов, художников и кого еще. Тогда непонятно, зачем нужна политика.

В новое время государство, конечно, обрело иные функции. Оно стало синонимом уже не избранных, не полиса, а общества. Если общество – это прежде всего сфера приватности, тогда, спрашивается, каким здесь должно быть государство? Государство выступает действительно как некоторая машина, но никак не эстетическая конструкция. Это во времена Возрождения можно было так говорить, потому что Возрождение, конечно, было очень эстетизированное мировоззрение. В новое время государство выступает как машина, которая принуждает частных собственников, людей, преследующих свой частный интерес, действовать так, чтобы они не перегрызли друг другу горло – вот его главное назначение.

Государство здесь выступает не функцией произведения искусства, оно выступает функцией правового государства. Правовое государство – это и есть рационализация государства, есть правовой рационализм. Что там эстетически можно объяснить – я понятия не имею!

Эпоха Возрождения – это время имперских театров, имперской архитектуры, имперской музыки, имперского зодчества. Вся высокая культу-

ра работала на покровителей, не только светских, но и религиозных. Все делалось по заказу либо двора, либо священных иерархов. Надо сказать, что вкусы, видимо, были достаточно высокими у заказчиков, потому что создавались шедевры, несмотря на то, что работали на государственный заказ.

Правовое, рациональное государство патронирует не художника, а потребителя. Единственное, оно обязано обеспечить следующее. Все то, что создал художник как свободный творец, должно дойти до потребителя. Это и обеспечивает государство демократическое, в отличие от недемократического государства, которое патронирует искусство. Буркхардт мог как угодно описывать деяния государства, но он не жил в новое время. Он описывал не эпоху демократии правового государства, а жизнь отдельных княжеств и королевств итальянского периода Ренессанса.

Совершенно очевидно, что жить в XXI веке и идти по пути эстетизации и сакрализации государства, отбрасывая момент рационализации, это путь в никуда. А что такое рационализация – я повторяю еще раз: введение государства в правовое пространство, вот чего мы никак в России не можем достигнуть.

И. Г. Яковенко

Безусловно, в государстве присутствует эстетическая составляющая. Иными словами, государство в глазах его подданных, в глазах его граждан выступает как эстетический феномен. Видимо, это связано с природой сакрального. Государство сакрально – нравится это Вадиму или мне или не нравится, но такова реальность. А сакральное понимается как антитеза безобразного. Но дело в том, что эстетическое субъективно, всякое суждение эстетическое есть суждение вкуса, а вкус – вещь субъективная. Скажем, я – человек европейских ценностей и ориентаций. Для меня формы репрезентации какого-то азиатского владыки лишены эстетического, они выражают запредельный характер власти, ее величие, несоразмерность этой власти мне, человеку. И в этом отношении они глубинно безвкусны. А для носителей других ценностей и другого мировосприятия эти формы, в которых являет себя государство, – архитектурные, эстетические, ритуальные, – прекрасны и органичны. Поэтому надо понимать, что об этих формах как о прекрасном говорить трудно. Можно говорить о государстве как об искусстве, выражающем дух общества. В этом отношении это искусство, но говорить о том, что государство объективно или универсально прекрасно, с моей точки зрения, сложно.

Я так полагаю, что сакрализация государства коренится в природе государства. Люди не могут относиться к государству только как к некоторому социальному или политическому институту. Это вещи довольно извест-

ные, и нет смысла об этом много говорить. Любое государство всегда будет себя эстетизировать. Оно всегда будет работать на ритуальные формы, на самопредставление, всегда будет самовыражать себя некоторым образом, который предполагает особое отношение к государству. И в этом отношении оно неотделимо от искусства. Только, я повторяю, это очень частное искусство, по частному поводу, которое адекватно конкретно данному обществу данной локальной цивилизации и данной эпохи.

В. Н. Шевченко

Государство как организация совместной жизни людей на определенной территории есть очень часто результат неосознанного творчества по законам красоты и вместе с тем оказывается постоянно создаваемой и пересоздаваемой конкретной вещью, которую можно рассматривать и как произведение искусства. Как все это выглядит с точки зрения рассмотрения бытия государства в истории во взаимодействии с другими государствами. Государство как деятельность и верховной власти, и низов озабочено прежде всего не эстетикой и не рационализацией. Любое государство, в том числе и российское, если оно желает и далее существовать в истории, должно быть озабочено тем, как преуспеть в истории, говоря сегодняшним штампом, как быть конкурентоспособным на мировой арене. И вместе с тем оно стремится, так или иначе, к реализации общего блага для всех, носителем которого оно и является. Так вот что на первое место должно ставить государство – права, свободы, демократические процедуры или выживание государства в условиях нередко жесточайшей конкуренции на мировой арене, включая и объявленные и необъявленные против государства войны. По замыслу, по идее, российское государство всегда было, есть и будет носителем идеи общего блага, и всегда будет потребность в сакрализации российского государства. Но это сегодня совершенно не актуальная проблематика, она становится все более и более маргинальной. Теперь для нас на первое место выходят совершенно другие вещи, о которых здесь говорил Вадим Михайлович, – права и свободы человека. Но если реализацию прав и свобод ставить во главу угла, то это путь, который нами не будет успешно пройден, это тупиковый в этом смысле путь.

Если говорить сегодня, то нужно говорить не просто о проблемах модернизации, в том числе и государства как основы политической системы. Нужно говорить о том, как сегодня выжить российскому государству, почему сегодня актуальной вновь становится идея особого пути развития российского государства. Именно особого. И тогда в этом плане мы можем говорить о том, что и право, и демократия есть средства решения вполне определенных задач, связанных с развитием европейской, шире – западной цивилизации.

Мы сможем успешно существовать только как державное, централизованное государство. Отсюда и неизбежный патерналистский характер российского государства (формы патернализма бывают разные). В противном случае мы остаемся недостроенным национальным государством, тяготеющим к распаду, потому что федерация может спокойно быть только в том случае, если субъекты федерации находятся на более-менее одинаковом уровне развития, как в ФРГ. Но у нас сегодня в государстве все обстоит по-другому. Нельзя на это закрывать глаза.

Для нас самая главная проблема – это не строительство демократических институтов на западный манер. Самая главная проблема, которая стоит для российского государства, – как избежать реальной и большой опасности выпадения из истории.

Сегодняшние рассуждения об эстетике и рационализации российского государства должны быть соотнесены с той великой целью, которую мы должны перед собой ставить. Иначе выпадение из истории неизбежно, и оно может привести к тому, что мы станем еще одной Грецией или Египтом, куда будут ездить туристы, чтобы посмотреть культурное достояние великого прошлого страны. Сегодня мы наблюдаем, что идущий вот уже двадцать лет процесс деградации и регресса российского общества замедлился, но он еще не остановлен. Деградация по всем параметрам – социальным, культурным, экономическим, политическим – продолжается. И в этом отношении нужно еще раз поставить вопрос о том, чем же действительно сегодня должно заниматься государство.

Все меньше мы занимаемся проблемой развития российского государства в сегодняшней весьма динамичной истории, и все больше мы ставим в центр внимания трудности внедрения западных ценностей в российское общество. Самым лучшим решением этого вопроса будет, если Россия распадется на 30–40 маленьких, по-настоящему демократических государств. Вот тогда действительно в каждом из них можно построить настоящую демократию – маленькую, аккуратную, где все будет рационализировано, эстетически красиво и никакой сакральности. Неужели мы обречены на такой бесславный конец российского государства?

А. А. Ливеровский

У меня будет два очень конкретных вопроса. И они будут обращены к Вам, уважаемый Абдусалам Абдулкеримович, председательствующему на нашем круглом столе, и к Вам, Вадим Михайлович.

Первый вопрос: ответьте мне, пожалуйста, как работать с вашим понятием государства в научных, в частности, правовых исследованиях. Второй вопрос. Когда заказчиком произведений искусства и его потребителем становится население, в демократическом государстве, то не приведет

ли это, как мы уже видим, к появлению массового искусства и массовой культуры?

А. А. Гусейнов

В каждой Конституции говорится о том, что у государства есть какие-то цели – процветание, благо граждан. Правильно? И государство должно служить этим целям. Если понимать государство правовое так, как говорит В.Межуев, что оно должно обслуживать потребителей. Иначе говоря, общество – это совокупность частных граждан, каждый из которых преследует свои цели, а государство их обслуживает, чтобы не передрались. Да будь трижды проклято это правовое государство, если оно в этом состоит! Не может такого быть. Тогда лишены всякого смысла все исторические поиски каких-то совершенных форм организации общественной жизни. Поэтому я должен сказать, на самом деле, и в нашем государстве, и в современном мире есть какие-то стороны, сквозь которые просвечивает модель государства Аристотеля. Например, почему у нас каждый гражданин имеет один голос? Кто может мне ответить? Почему самый последний бомж имеет такой же голос, как Абрамович, Путин и так далее? Из какого понимания государства это исходит? Это исходит из аристотелевского, из того, что это союз граждан, союз равных. Или другой пункт – почему наши правители все время хотят убедить, что они работают ради общего блага, как рабы на галерах? Из чего они исходят? Почему они всех нас хотят убедить, что они не ради себя и своих дружков, которых они тянут во власть, работают, а ради всех нас? Да потому, что они тоже исходят из этой общей, сидящей в голове у каждого правителя, мысли о том, что деятельность государства концентрируется вокруг общего блага.

В. М. Межуев

Понимаете, у нас так повелось в России – мы все время искусство называем культурой. Никакой художник культуру не создает, он создает произведение искусства. Тогда будет понятно, в чем должна заключаться деятельность государства. Простой пример. Роман Булгакова «Мастер и Маргарита» был написан к 1940 году. Это было произведение искусства. А в культуру роман вошел в 1966 году, когда он был издан и стал достоянием читателей. Кино, которое сняли и положили на полку, никому не показали, может быть произведением искусства, даже выдающимся. Культурой оно становится тогда, когда доходит до зрителя. В правовом отношении это очень важная вещь. Значит, культуру создают художник и потребитель в своем взаимодействии. Где происходит встреча художника и потребителя? Это называется институтом или учреждением культуры. Если мы возьмем, скажем, театр как союз драматурга, художника, режиссера, актера, то это

вид искусства. Театр, куда приходит публика, – это учреждение культуры. Это может быть кинотеатр, это может быть консерватория, музей и т.д. Вот за учреждения культуры отвечает государство. Государство не указывает художнику, какую музыку ему писать, пьесу или роман сочинять. Это глупости. Искусством управлять нельзя. Искусство неуправляемо, это продукт свободной деятельности. Управлять можно местом, где происходит встреча художника и зрителя. Вот это подлежит правовому регулированию. Значит, эти места должны быть всем доступны, они должны быть всем по карману, они должны быть обращены в равной степени ко всем.

Действительно, когда художник переориентируется с патернализма государственного на рынок, происходит то, что вы называете массовой культурой, то есть когда художник работает на рынок. Он не поднимает до себя читателя или зрителя, а опускается до их уровня, до массовой, потребительской культуры. Культура становится товаром. Что можно этому у нас противопоставить? Это действительно большая проблема, которая решается в теории за счет освобождения человеческого времени от давления рабочего времени.

Свободное время – это время, где я сам себя делаю. Каждый человек – художник в одном смысле слова. Любой человек создает одно, уж точно одно произведение – самого себя. Это произведение может быть интересным, нужным, вызывающим какое-то уважение, какой-то авторитет, а может быть и так – скорее отвернуться и забыть. Чтобы я был интересен, нужен, вызывал к себе интерес, находил общение с другими, я должен с собой что-то делать. Если перед человеком такую задачу поставить, он будет искать в искусстве не то, что его на сегодняшний день развлекает, а завтра он забудет, а тот самый материал, из которого он может вылепить самого себя. Вот как я это понимаю. Если человек перед такой необходимостью не стоит, ему все равно, кто он, – тогда он штампуется в обществе как точное производство какого-то предмета на заводе. Сегодня это, к сожалению, и происходит. Это есть главная проблема, над которой ломают головы философы: как выйти за рамки массового общества и массовой культуры. Возложить здесь надежду на государство – извините, не верю.

В. И. Лафитский

Я вернусь к теме нашего заседания – государство как произведение искусства. Я выскажу такую четкую мысль, четкий тезис – государство не возникло бы, если не было бы искусства. Можно приводить множество примеров. Израиль был создан только благодаря Торе и другим священным книгам Танаха. Не было бы этих священных книг – не было бы Израиля. Появление священных гимнов Авесты Заратустры привело к созданию древнеиранского государства. Если мы пойдем дальше на восток, в Индию,

мы увидим, что без Рамаяны, без Махабхараты не было бы ни арийских княжеств, ни древнеиндийских царств. Можно упомянуть такие великие памятники, как поэма Гесиода, «Илиада» и «Одиссея» Гомера. Без них не было бы эллинского мира. То есть искусство так или иначе, но оно рождало государство. И в дальнейшем искусство сопровождало развитие государства, оно оценивало государство, оно корректировало его развитие.

И последний тезис. Сейчас есть два пути: либо путь искусства, либо путь технократизма. Как раз я стою за то, чтобы государство развивалось по пути искусства, а не технократизма, который убивает душу государства.

И. С. Филиппов

Мне кажется, что, в конечном счете, нет уж такого большого противоречия между рационализацией государства и его эстетизацией. В конце концов, математика может быть даже очень красивой. В этом смысле нашему государству, мне кажется, недостает как рационализации, так и определенной эстетизации. Посмотрите, какого качества наше законодательство – один закон противоречит другому, один кодекс другому. Не успеет издать какой-нибудь кодекс, как он немедленно обрастает десятками и сотнями поправок. Кто же думал, как же такое может быть? Почему его нельзя было сделать истинно красивым изначально, непротиворечивым? У нас действительно много делается для сакрализации государства. Разрабатываются ритуалы. Они могут быть и красивыми. Но сказать, что управление страной у нас организовано как-то красиво, было бы невозможно. Так же, как нельзя сказать, что оно организовано рационально. Об этом неприятно говорить, но смотрите на наших депутатов – как они выглядят и как они себя ведут. Мне кажется, что в известных границах рационализация и эстетизация государства совместимы.

И. Голованова

Во многом споры и дискуссии между философами и юристами возникают в силу того, что все-таки юристы исходят из понимания государства как средства. Классическое определение государства, которым оперирует современная доктрина, это, в общем-то, концепция государства как средства. То, о чем сегодня говорил А. А. Гусейнов, – это все-таки государство как цель. Без понимания этого водораздела мы вряд ли сможем благотворно дискутировать на эту тему. И, в частности, тема сегодняшнего заседания – государство как произведение искусства – это, прежде всего, разговор о государстве как о цели. Это моя первая реплика.

Второе мое замечание состоит в том, что принципиально различаются между собой достаточно одномерная романская концепция государства и метафизическая германская концепция государства. Только при

ясном понимании того, что это абсолютно разные подходы, возможна плодотворная дискуссия.

С. Ю. Кашкин

Мы в ходе дискуссии как раз и пытаемся увидеть государство как средство, ведущее к цели. Улавливаете? И через эту призму мы выделяем в государстве несколько важных элементов. Это искусство создания государства, искусство управления государством, далее культура управления государством, которая разделяется на политическую культуру, правовую культуру и нравственно-этическую культуру. Последняя тоже есть составная часть государства как произведения искусства. При этом никуда не денешься еще от одной стороны – красота государства как гармония исторически изменчива, как и всякая красота.

Д. Д. Осипов

Я услышал в главных докладах три варианта определения того, что есть государство как произведение искусства.

В предыдущем выступлении говорилось о том, что в государстве должна быть гармония – это есть аристотелевская мера. Государство есть мера гармонии между чем и чем? Между формой и содержанием. А дальше можем уже определять, насколько, в какой мере одно соответствует другому. Я согласен с тем, что говорил А. А. Гусейнов. У Аристотеля речь идет не просто об эстетической форме, в том числе об этической форме. Государство Аристотеля – это государство дружбы, которое, скажем так, красиво выстроено.

Второй вариант понимания государства как искусства, о чем говорил П. Д. Баренбойм, это то, что государство как искусство имеет некую культурную функцию. Я согласен с этим. Мне кажется, это очень важная тема, которая не разработана, прежде всего, культурная политика. На основе чего мы можем говорить о культуре, как о юридическом явлении, имеющем правовые основания? Главная часть культурной политики – культурное право – вообще выпало из нашей государственной практики, его просто не существует.

Здесь Рерих очень интересен как яркий пример человека, который вообще не был юристом, но он дошел до юридических оснований того, что мы называем культурой.

Третий вариант для меня более близок. Первоначально государство все-таки творило не просто государство, но власть. Мы можем говорить о власти, об эстетике власти. Властвующая персона, как ее ни называть – царь, император, – они пытались творить государство. В древнем мире, конечно, к этому процессу подключалось 15–20 процентов греков/римлян,

которые участвовали в процессах творчества государственных форм бытия. Но 80 процентов, конечно, были лишены этой возможности.

Суть демократии, когда мы начинаем говорить о современной ситуации, заключается в том, что правовое государство как раз и выступает средством подключить к процессу творчества как можно больше людей. Я считаю, что единственная форма достижения гармонии в современном государстве это, конечно, юридическая форма. Других способов творить государства нет.

Правовая система понимается как то, что творится не только юристами, но и всеми другими людьми. Право на создание законов должны иметь не только элита, не только юристы, но и то, что мы называем гражданским обществом. То есть, все люди, находящиеся на разных ступенях социальной лестницы, должны иметь возможность участвовать или, по крайней мере, влиять на создание юридических норм.

Я считаю, что современное правовое государство имеет прочную философскую базу. Начиная с XVII–XVIII веков философы-просветители создавали демократическое правовое государство. Это уникальная ситуация, когда философы в свое время имели большую значимость, чем властители. Короли склоняли головы перед философами. До этого, конечно, мы вряд ли сегодня доживем, но важно найти форму участия философов в решении нынешних проблем государства.

Самое последнее, хотел бы сказать, что сегодняшняя дискуссия, мне кажется, является формой такой беседы, которая, собственно говоря, и демонстрирует бытие государства как некий творческий процесс. А где его еще творить в интеллектуальной форме? Здесь, на нашем круглом столе.

Л. О. Иванов

Говорят, что наиболее близким аналогом Конституции России является французская конституция. Но взгляните на наше государство и на Францию – это совершенно разные вещи. Исходя из этого сравнения, я вижу, прежде всего, очень плодотворный подход, связанный с тем, чтобы дать феноменологическое описание нашего государства. Вот какое оно в реальности, каковы реальные отношения. Вроде бы формально у нас должно быть много похожего, а этого нет. Ведь участником построения государства является не только власть. Конечно, действия власти очень важны. Но и все мы, граждане, тоже вносим свой вклад. Поэтому и получается такой очень сложный синтез государства и гражданского общества. Далее. Отношения власти и, скажем, электората, наши межличностные отношения на уровне коллектива по сравнению с каким-либо европейским научным учреждением, а мне приходилось с ними сотрудничать, это, вы знаете, большая раз-

ница. И так во всем. Было бы очень важно описать то, что можно назвать нашим государственным бытом. В свое время француз де Кюстин описал николаевскую Россию, он оставил для последующих поколений очень интересный срез тогдашней нашей жизни. И вот, если мы сегодня смогли бы получить, условно говоря, такое описание, мы бы тогда, наверное, сказали – вот наше государство как произведение искусства. Это может быть сделано и в виде научного трактата.

Г. Г. Бернацкий

Будем ли мы рационализировать государство или, напротив, его поэтизировать – все равно мы, по-моему, рисуем некоторый идеал государства, к которому стремимся или который хотим на земле создать. А идеал, видимо, имеет и рациональные, и эстетические черты. Можно сказать, что идеал – это рационально-эстетический конструкт, который мы создаем в теории и к которому мы хотим приблизиться в жизни. Аристотель сформулировал этическое понимание государства. В современном понимании идеал государства, видимо, выражен в современных конституционных универсалиях, таких как демократическое, правовое, социальное государство. Скажем, мы записали в Конституции идеи правового демократического государства. Но мы очень далеки от них.

Но представим себе, что этот идеал политико-правового современного конституционализма реализован, и мы сформировали новый тип личности в нашем обществе. А что это за тип личности, соответствующий современному конституционализму? Это человек, видимо, самостоятельный, инициативный, рациональный. Причем сугубо рациональный, который хорошо понимает законы, им четко следует. Эмоциональность здесь особенно не приветствуется. Это человек – индивидуалист, который смотрит на жизнь так, чтобы хорошо обеспечить себя, свою жизнь, свою семью, в этом его задача. Этот человек должен подозрительно смотреть на свое государство и правительство и каждый раз, каждые четыре года, переизбирать высшее руководство.

Рассмотрим еще один из тех идеалов, которые заложены в нашей Конституции. Вторая статья Конституции России говорит так (любимая моя тема – это вторая статья Конституции). Статья звучит так: человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В свое время, в 90-е годы, был знаменитый спор, правда, заочный, между нашим первым мэром Санкт-Петербурга – А. А. Собчаком и Иоанном, митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским. Собчак, естественно, исходя из либеральной модели, упирал на то, что права и свободы человека превыше всего, они есть высшая ценность. А митрополит Иоанн отвечал ему следующее. Замечательно высокая мысль о верховенстве прав человека фактически пита-

ется эгоизмом и самомнением. Она ведет к изоляции людей друг от друга, к классовой борьбе, к разъединению общества. В нашей православной культуре, он говорил, всегда на первое место выступали обязанности, а не права.

Поэтому, мне кажется, когда мы говорим об идеале государства и политико-правовом идеале, нужно иметь в виду, что этот идеал часто сталкивается с культурой народа. К примеру, американцы насаждают этот политико-правовой идеал демократического государства в Ираке, но ничего из этого не получается. Ирак не хочет жить по модели американцев. Я не думаю, что мы сейчас можем насадить такой идеал и в Китае. Китай живет и процветает, но они не хотят западную модель государства насаждать у себя в обществе. Если мы берем разнообразие культур в мире, то тот идеал, который сейчас сформулирован – политико-правовой, правовое демократическое государство, – это далеко не идеал для многих стран и далеко не всегда он формирует тот тип личности, который мы с радостью примем.

А. В. Захаров

В начале нашей дискуссии уже было отмечено, что «Государство как произведение искусства» – тема неожиданная и необычная. Споры нет. А вот насколько выбранная тема актуальна? Насколько важно в начале XXI века вновь вернуться к разговору, начатому более 100 лет назад швейцарским мыслителем о «государстве как сознательно задуманном построении»? Некоторые современные ученые полагают, что будущее невозможно предсказать, его нужно создавать. В условиях, когда миром правит многообразие, по их мнению, именно вопросы, а не ответы определяют будущее.

Сегодня модернизация – ключевое слово в современном российском политическом лексиконе. При этом, толкование этого термина имеет достаточно широкий диапазон. В узком смысле под модернизацией понимается придание экономике инновационного характера. В широком понимании этого слова речь идет о необходимости достаточно серьезных изменений во всех основных сферах общественной жизни: экономической, политической и социальной. Из уст политических экспертов нередко звучат весьма образные метафоры на заданную тему. Вот одна из них: «Российская модернизация – это такой политический евроремонт, наполненный инновационным технологическим содержанием». Можно спорить о том, как назвать процесс обновления общества: политическим евроремонтом или построением правового государства. Для определенной части мыслящей элиты ясно одно: изменения в стране необходимы. Остается лишь ответить на вопрос о сути предстоящих изменений. Подходы здесь могут

быть самыми различными. Например, когда речь зашла о создании в России своей Силиконовой долины, на вопрос о том, чего не хватает для реализации этого проекта, председатель правления Института современного развития (ИНСОР) Игорь Юргенс ответил: «Адекватного законодательства, инфраструктуры, культуры общества». И далее добавил: «Проект получится, если будет готовиться свободными людьми, в свободной стране в творческих условиях. А в подготовленном в феврале 2010 года ИНСОРОм докладе «Россия XXI века: образ желаемого завтра» содержится утверждение, что без социально-политической модернизации невозможна и экономическая. Это означает, что наше общество должно готовиться к переменам или, по меньшей мере, осознать их необходимость. Для этого необходимо создать определенные предпосылки. Одна из важнейших предпосылок – реализация задачи построения правового государства.

В этой связи можно сказать, что разработка доктрины понятия правового государства на уровне XXI столетия – это не благое пожелание, а обязанность государства и общества. Эстетические же концепции государственности могут стать ключом к разработке понятия правового государства, то есть понимания, в каком государстве мы живем, а точнее – какое государство надо строить. Сама концепция государства как произведения искусства не была сформулирована Якобом Буркхардтом в каком-то законченном виде. Она сводилась, в основном, к мысли, что государства и их правители того времени считали достижения в сфере культуры и искусства крайне важными для укрепления престижа государства и их собственного. В итоге это привело к государственной защите и поощрению наук и искусства. Отсутствие четкости в формулировании концепции нетрудно объяснить ее, с одной стороны, интуитивной творческой очевидностью, с другой – крайней трудностью увязывания с реальной государственной жизнью.

Начиная с первых лет XX века Николай Рерих стал разрабатывать эстетическую концепцию государственности, основанную на примате вопроса развития и защиты культуры и искусства перед всеми остальными направлениями государственной деятельности. По его мнению, эти приоритеты должны быть обязательно учтены в распределении государственного финансирования. Рерих полагал, что развитие культуры и искусства само по себе приведет к оздоровлению жизни государства и общества. Судите сами, насколько актуально звучит сегодня один из его заветов потомкам: «Сперва опознаем и сбережем культуру, а затем и сами банкноты страны станут привлекательными».

Размышляя об этом, следует также задаться вопросом о степени нашей восприимчивости к Слову великого соотечественника. В качестве лишь одного примера того, с каким трудом прививаются идеи Рериха к будущим поколениям, можно привести «диагноз», который поставил совет-

ской России Андрей Тарковский, писавший спустя много лет после появления рериховской концепции: «Если падение искусства очевидно, – это как раз налицо, а искусство – душа народа, то народ наш, наша страна тяжело больны душевно».

Главное положение философско-правовой концепции государства, разработанной Рерихом, гласит: обязанностью государства является поддержание и развитие духовной общности проживающего в нем населения. При этом государство должно быть в первую очередь ориентировано в своей созидательной деятельности на расцвет будущих поколений и эволюционное построение новой будущей цивилизации с помощью развития и поощрения образования и культуры. Эстетическая модель государства дает науке конституционного права и философии права необходимые подходы для начала разработки доктрины правового государства, которая, в свою очередь, должна обеспечить конституционную основу Возрождения в России и создания в ней (говоря словами Николая Рериха), «государства будущего». Сегодня в повестке дня стоит вопрос о возможности достижения идеи правового государства с высокой эстетической составляющей.

Хочется верить, что идея правового государства должна стать движущей силой достижения благосостояния и процветания граждан России. Не думаю, что такой подход выглядит утопичным. В конце концов, как сказано в одной умной книге: «Сильное воображение порождает событие». Идея правового государства записана в тексте Конституции – это закон, который власть обязана претворять в жизнь.

Создатели американской Конституции считали, что истинной целью человечества является стремление к счастью. В российской Конституции записано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Это означает, что главной целью при разработке стратегии России XXI века, включая ее правовую составляющую, должна стать личность, ее права, свободы и обязанности. Философы учат, что быть личностью значит быть свободным.

В начале 70-х годов XX века Андрей Тарковский, размышляя об ответственности за судьбу будущих поколений, написал также строчки: «Какими будут наши дети? От нас многое зависит. Но от них самих тоже. Надо, чтобы в них жило стремление к свободе. Это зависит от нас». Как воспитать в наших детях стремление к свободе? Наверное, в том числе через стремление к познанию прекрасного. Ф. Шиллер считал, что только путем красоты можно достичь свободы. Художник может и должен воспитывать красотой. И. Кант к тому же полагал, что красота немыслима без истины. Поэтому формула его философской системы содержит истину, добро и красоту, взятые в их единстве, замкнутые на человека, и его культурное творчество. Вспомним также утверждение Канта, что два человеческих изобре-

тения можно считать самыми трудными: искусство управлять и искусство воспитывать.

Сегодня один из важнейших вопросов повестки дня страны можно сформулировать следующим образом: как в рамках объявленного модернизационного проекта наилучшим образом спроектировать будущее России? Практически речь идет об осуществлении своего рода управленческого реинжиниринга страны. Это означает, в том числе, и овладение правящей элитой искусством управления самим процессом преобразований и непрерывно происходящих изменений.

И еще раз о самом важном. Прежде чем приступить к осуществлению перемен в стране, необходимо, чтобы Государство и Общество впервые в отечественной истории твердо заявили, что главной целью проекта комплексной системной модернизации России должна наконец-то стать личность, защита ее прав и свобод. И что это не просто декларация и очередное сотрясение воздуха, а реальная цель. Тогда из такого целеполагания должна вытекать готовность к реализации соответствующих задач. В числе приоритетнейших хотелось бы назвать как минимум две: обеспечение в России в XXI веке Верховенства права и Верховенства культуры. А одним из базовых условий продвижения к намеченной цели должна стать реформа образования. Совершенно недопустимо для страны, которая рвется в завтрашний день, чтобы ее образовательная система готовила специалистов вчерашнего дня.

Главное средство производства в современном мире – интеллект. По мнению шведских экономистов – авторов нашумевшего бестселлера «Бизнес в стиле фанк», 300 лет назад богатство определялось наличием прав на землю. Затем главным фактором стал капитал. Теперь – это образование. При этом образование – это не заполнение голов голыми фактами. Образование – это эмоции и душа. А где эмоции и душа, там уже можно поговорить о воспитании и культуре. И именно новые поколения специалистов и ученых, получивших современное образование, смогут создать образ будущей России и практически реализовать проект государства как сознательно задуманного построения, то есть проект под названием «Новая Россия».

Скорость изменений, происходящих в мире, ошеломительна. К этому новому состоянию мира трудно привыкать и адаптироваться, но с этим всем приходится жить. По мнению некоторых аналитиков, эпохи перемен в ускоряющейся информационной и социальной реальности – это перманентное состояние развития человечества. Вот, например, о чем говорится в видеоролике одной известной интернет-компании: «В середине первого десятилетия XXI века в год производится больше уникальной информации, чем за предыдущие пять тысячелетий». И далее: «Студенты, которые полу-

чат образование сейчас, будут работать по профессиям, которые еще не созданы; использовать технологии, которых сегодня еще нет; решать задачи, о которых мы сегодня даже не знаем».

Из всего сказанного хочется сделать один простой вывод: необходимо, чтобы Государство поставило в качестве приоритетной задачи реинвестирование значительной части своих доходов в свое Будущее, то есть – в Культуру, Образование и Науку.

П. Д. Баренбойм

В заключение реплика – это после яркого выступления нашего финансиста. Государство как произведение искусства – это, наверное, государство, которое хотя бы умеет нарисовать свои деньги. Дело в том, что у нас сторублевая, пятисотрублевая банкнота, тысячерублевая банкнота – все нарисованы с ошибками. Например, на одной из них изображен памятник Ярославу Мудрому – не тот, что в Ярославле, а тот, что в Киеве, то есть в иностранном государстве. И в сторублевой банкноте тоже ошибка. Памятник Петру – не из Архангельска, а из Таганрога, и т. д.

Кстати, Мандельштам отлично сказал о ценностях культуры, используя образ флорентийской валюты XV века – золотого флорина: «То, что ценности гуманизма ныне стали редки, как бы изъяты из употребления и подспудны, вовсе не есть дурной знак. Гуманистические ценности только ушли, спрятались, как золотая валюта, но, как золотой запас, они обеспечивают все идейное обращение современной Европы и подспудно управляют им тем более властно. Переход на золотую валюту – дело будущего, и в области культуры предстоит замена временных идей – бумажных выпусков – золотым чеканом европейского гуманистического наследства, и не под заступом археолога звякнут прекрасные флорины гуманизма, а увидят свой день и, как ходячая звонкая монета, пойдут по рукам, когда настанет срок».

В стране, которая фактически тратит три четверти из дошедших до расходной части бюджета бумажных денег на военные и близкие к ним дела, давно пора произвести их конвертацию в «золотые флорины флорентийского гуманизма» и при любом раскладе тратить не менее половины на культуру, образование и здравоохранение.

А. А. Гусейнов

Мне кажется, возможно, даже против ожидания, у нас разговор получился. В заключение мне хотелось бы подчеркнуть только одну мысль, прозвучавшую здесь. Хорошо было показано, что эстетизация государства не противоречит его рационализации. Хочу еще добавить и сказать – эстетизация государства совсем не означает и не обязательно ведет к его са-

квалификации. В. М. Межуев в своем выступлении хорошо сформулировал одну вещь. Он сказал, что в свободном публичном пространстве каждый свободный человек создает свое произведение искусства – он создает себя, свою собственную жизнь. Это совершенно замечательная мысль. Но особенность публичного пространства в том, что это такое пространство, где все мы граждане, и в той мере, в какой мы граждане, тоже все вместе создаем одно произведение. Это произведение есть государство.

Одним из выступавших было прекрасно сказано: конституции Франции и России очень схожи между собой, а какие это разные государства! Вы просто посмотрите реально, и мы увидим, что каждое государство – это какая-то необычная конструкция. Правовое государство как символ рационализма – хорошо. Откуда берутся законы? Мы их создаем. Юристы и многие другие граждане создают эти законы. Это продукт нашего творчества. Мы же создаем сами свое государство! Центральная власть – откуда она? Она формируется в соответствии с теми конституционными началами, которые мы задаем. И напрасно думать, что государство – это некая иррациональная реальность, которая находится вне сознательного контроля людей. Это такая социальная вещь, которая создается людьми. Одни ее формы рушатся, другие создаются в ходе творимой людьми своей собственной истории.